

ТАРАСИВИК

ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ РОМАНА **ДНЕВНИК
БРИДЖИТ ДЖОНС**

*прыг-скок-
кувырок,
или Мысли
о свадьбе*

18+
Содержит
языки
браны

Тара Сивик

**Прыг-скок-кувырок,
или Мысли о свадьбе**

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Сивик Т.

Прыг-скок-кувырок, или Мысли о свадьбе / Т. Сивик — «Эксмо», 2012

Клэр и Картер – замечательная и немного бесшабашная парочка, они счастливо живут вместе, души друг в друге не чают и мало думают о будущем. Но когда их друзья Лиз и Джим решают пожениться, свадебная лихорадка передается и Картеру. Он покупает обручальное кольцо с бриллиантом, чтобы торжественно преподнести его Клэр. И будь они обычными скучными влюбленными, в этом месте можно было бы поставить точку, но Клэр и Картер не такие, а значит, скоро их друзья и родственники взвоят от свадебной авантюры, которая приобретет воистину чудовищный размах.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Сивик Т., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Разрешительное уведомление	6
Отказ от ответственности	7
Выражение признательности	8
1. Зеленое желе и кусающиеся черепашки	9
2. Пса моего голод одолел	13
3. Он в «Джаред»[11] покупал	19
4. Любит – не любит	24
5. «Бакс плати и соси»[19]	28
6. С заднего хода	35
7. Лярва-оторва	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Тара Сивик

Прыг-скок-кувырок, или Мысли о свадьбе

Tara Sivec

Futures and Frosting: a Sugarcoated Happily Ever After

Copyright © September 2012 Tara Sivec

Перевод с английского *В. Мисюченко*

Художественное оформление *П. Петрова*

Разрешительное уведомление

Разрешение на получение удовольствия дается только вам лично. Эту книгу нельзя перепродавать или передавать другим людям. Если есть желание поделиться с кем-то этой книгой, то, пожалуйста, купите еще по экземпляру на каждого. Благодарю вас за уважение к тяжкому труду автора этого романа.

Отказ от ответственности

Это произведение взрослой художественной литературы. Автор не рекомендует хоть в чем-то вести себя так, как описано на этих страницах, и не потворствует такому поведению. Сюжет не предназначен для малолеток. Прошу обратить внимание, что в романе содержатся откровенные описания сексуального характера, его персонажи сквернословят и употребляют спиртные напитки.

Моему мужу. Спасибо, что всегда читаешь то, что я пишу, и что устраиваешь мне головомойку, когда я требую, чтоб ты признался, дерьмо это или нет. Спасибо, что не признаешь хоть что-то из того, что я заставляю тебя читать, дерьмом. Спасибо, что честно делишься со мной своим мнением о кандидозе и молочнице безо всяких позывов к рвоте в мою сторону.

Баффи, моей сестре по духу и, видит бог, родственной душе. «Сучка, тебе и впрямь хотелось упомянуть Баффи?» Придет день, и мы будем жить с тобой в одном штате – и мир разлетится в куски от благоговейного потрясения. Факт.

Моей семье. Все вы несносные безумцы, но ни на что другое я не согласилась бы. Спасибо вам за урочное время, бейсбол с потолочным вентилятором и «вы чувствуете этот запах?». Без вас моя жизнь была бы невыносимо скучной.

Выражение признательности

Число изумительных людей, которым мне необходимо выразить признательность, столь велико, что, наверное, одними их именами я могла бы заполнить всю книгу.

Перво#наперво – моему изумительному редактору Макс. Ты словно ветер у меня под юбкой, и я тебя люблю! Спасибо тебе за всю твою помощь и поддержку. До конца дней, пока мы будем пребывать вместе в одной комнате, буду песиком гонять шкурку о твою ногу.

Колин Гувер. Мне никогда полностью не отблагодарить тебя за оказанную мне поддержку. Ты всегда, не колеблясь, отвечала на несметное количество моих вопросов и вселяла в меня надежду, что когда-нибудь и я стану такой же потрясающей, как и ты! Я так радуюсь тебе и всем твоим успехам!

Сара Хансен, ты – мой близнец, о существовании которого я и знать не знала. Спасибо тебе за всегдашнюю твою поддержку, за умение рассмешить меня и за то, что выкладываешь посты моего мужа в «Фейсбуке». Джейсон Вурхиз¹ – кролик рядом с тобой.

Молли Харпер, я тебя обожаю! И не только за песню «Шлеп-шлеп ваг» или за поразительное движение «Плата вперед». Ладно, врать не стану, может, это и главные причины. Ты изумительна и мила и постоянно вызываешь на моем лице улыбку.

Моим клакерам-почитателям. В этом безумном предприятии вы первыми поддержали меня и сделались моими первыми фанатами, и я вечно буду признательна за то, что встретились со всеми вами.

Всем завлекалам «Анонимных книгоголиков» и «Простикнижниц» – я люблю вас. Каждую и любую из вас. Я так рада, что «познакомилась» с вами. Вы изумительные, и ваша поддержка нескончаема. Огромное вам спасибо за все «Платы вперед», за сводничество и просто за то, что вы все потрясные.

Всем другим авторам студии «Инди» – я горжусь, что вхожу в один круг с вами, перед кем смиренно склоняю голову. Надеюсь, каждый осознает, как упорен и тяжок ваш ежедневный труд, позволяющий вашим мечтам сделаться явью.

И наконец, но не в последнюю очередь, шлю свою ТАКУЮ большую благодарность нижеперечисленным блогам, которые на своих страницах дали отзывы или представили мою(-и) книгу(-и). Если я кого упустила, – извините. Во всем виноват «Гугл».

Благодарю Aestas Book Blog, Anna's Attic, Ashley's Book Nook, Book Liaison, Book-Snobs, Coffee, Books and Lipgloss, Confessiotr of Novel Junkits, Cursed Pyramids, Fiction Vixen, Globug & Hootie Need a Book, Hot Coffee Bocks and Chocobar, Lisa's Book Review, Lisa's Reads, Love Affair With An E#Reader, Madison says, Mama Laughlin, Maryse's Book Blog, Moma's Books, Natasha is a Book Jrmkie, Rotnance Book Review Blog, Romantic Book Affairs, Romantic Reading Escapes, Scanrialicious Book Review Blog, Selena-Lost-in-Thought, She Can't Shut Up, Sim-Sational-Books, Talk Supe, Tara's Reads, Teahoney's Book Café, The Autumn Review, The Book List Reviews, The Indie Bookshelf, The Romance Reviews, Totally Booked, Tough Critic Book Reviews, Under the Covers, Unraveling Aira, Up all Night Reviews, What to Read After Fifty (50), Shades of Grey Facebook page.

Тара Сивик

¹ Вымышленный персонаж, главный герой фильмов серии «Пятница, 13#е», маньяк-убийца, известный своими кровавыми способами расправ над жертвами. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

1. Зеленое желе и кусающиеся черепашки

И снится мне сон.

А в этом сне я лежу в постели под одеялом, в каких-то ничтожных дюймах от тела Картера. Пристально вглядываюсь в это распростертое тело, зеленовато-голубого свечения будильника на тумбочке у кровати едва хватает, чтобы видеть, как мерно поднимается и опускается у него грудь. Простыня едва прикрывает бедра мирно спящему, одной рукой прикрывающему глаза, а другую покоящему на подтянутом обнаженном животе. Медленно-медленно подвигаюсь по постели, стараясь не потревожить, пока не сближаюсь настолько, что чувствую, как жар его кожи обдаёт меня с головы до ног. Выпрасываю руки из-под одеяла и тянусь к нему ладонями. Касаюсь его гладкой мускулистой груди, скольжу пальцами вверх по его телу и... душу его так, чтоб не продохнуть было.

Ладно-ладно, это даже не сон. Скорее, если хотите, желание, нечто, что я воображаю, когда в кондитерской мало дел, когда стою в очереди в бакалейной лавке или, считай, всякий раз, когда каждый божий день, проснувшись, зеваю и меня всю ломит от недосыпа. Только я вовсе не собираюсь дать воображению увлечь себя. Я люблю Картера. Всамделе. Только иногда хоть монетку бросай: больше или нет я люблю спать.

Несколько месяцев назад я и не подозревала о существовании Картера. Ладно-ладно, я знала, что он существовал... где-то там, за радугой, в далекой-далекой земле жил себе да поживал. И в миллион лет не поверила бы, что мы когда-нибудь пересечемся, а проведенная с ним в колледже ночка-на-раз породит во мне сомнение. Оказалось, я ошибалась в обоих случаях. Далекая-далекая земля оказалась всего в нескольких милях от места, где жила я, а то самое, как я полагала, сомнение – оно что, хоть как-то его трогало? Так вот, к немалому моему волнению, и он, используя клише какого-нибудь шутовского любовного романа, многие годы тосковал обо мне и по всему свету разыскивал *«ту, которая ушла прочь»*.

Это, между прочим, про меня, на тот случай, если вы не обратили внимания.

Вот она я, двадцатичетырехлетняя одинокая мать Гэвина (чудесный прощальный дар, какой я получила в признательность за свое сумасшедшее умение отделяться от девственности, йо!), и вдруг парень, которому я стихийным порядком отдала упомянутую девственность после очень заводной игры в пиво#понг² на вечеринке в общежитии, объявляется в моем родном городе, чтоб и меня с панталыку сбить, и востребовать сына, о существовании которого он не ведал. В реальной жизни такого не бывает. Нечто столь же идеальное случается только в книгах да в фильмах Джона Хьюза³.

А Картер, значит, никогда не стоял под моим окном, держа над головой радиоприемник, никогда не бежал навстречу по улице, чтобы подхватить меня в объятия для дух захватывающего поцелуя и вручить пару бриллиантовых сережек, какие всего минуту назад дарил какой-нибудь другой страхолудине. Нашей истории не обязательно походить на какой-то киноучебник восьмидесятых. Бывало, и страх напал, были и тусовки балдежные, пьяные сборища, непотребная ругань, непонимания, споры, угрозы двумя пальцами растопыркой, глазированный шоколадом секс в общественном месте, оказавшийся всего на волосок с комариного муда от показа по городской телевизионной сети. Впрочем, через все это нам с Картером удалось проскочить, одолев наши трудности, с точностью тридцатиминутной

² Общие правила этой популярной среди студентов США игры просты: на противоположных концах стола выставляются частично наполненные пивом бокалы, и игроки поочередно пытаются забросить шарик для пинг-понга в один из бокалов соперника. В случае успеха соперник обязан выпить пиво. Понятно, что в каждом университете есть свои особые, порой очень заковыренные правила этой игры.

³ Американский кинорежиссер и сценарист (1950–2009), снявший среди прочих такие фильмы, как «Клуб "Завтрак"», «16 свечей», «Бетховен», «101 далматинец».

комедии положений в прайм-тайм на телевидении. Это не «Нечто замечательное»⁴, но что-то чертовски к нему близкое. Я все еще в ожидании своего поцелуя на улице и бриллиантовых сережек, между прочим.

Посреди всей этой неразберихи я еще к тому же деятельно следовала своей мечте открыть собственную кондитерскую и готовить всякие конфетки и печенюшки. Я верно соображаю? Почему бы не добавить себе еще одной заботы до их растущей кучи? Не без причины же на моем холодильнике висит магнит со словами: «Сможешь отоспаться, когда загнешься».

Мы с моей лучшей подругой Лиз вечно толковали про то, как в один прекрасный день будем владеть совместным бизнесом. И, пока я тащила на себе весь воз радостей матери-одиночки, закинув куда подальше свои стремления, Лиз заканчивала колледж и добивалась того, чтобы ее мечта добралась до осуществления. Я, поверьте, мало ведала про то, что она к тому же вынашивала планы, как не дать сгинуть моим надеждам вместе с умением чихать, не писаясь.

Я всегда была личностью изрядно независимой, а потому потребовалось время, чтобы привыкнуть к тому, что кто-то дарит мне мою же мечту в миленькой упаковке с бантиком сверху. Лиз получила приличный куш в наследство от дедушки, почившего за несколько лет до того, и ни о чем другом не думала, как только вложить деньги в покупку здания, где мы могли бы бок о бок вести каждая свое дело. Мне понадобилось несколько дней, чтоб перестать мудить белым светом и понять, что сделала она это вовсе не из жалости. Лиз сделала это потому, что любит меня, и воплощение ее собственной мечты едва ли значило бы для нее столько же, если бы моя при этом никак не осуществлялась.

Так что, в итоге я ВЫМОТАЛАСЬ. И, полагаю, это возвращает нас к моим фантазиям об удушении. К жизни с другим человеческим существом надо немного привыкнуть. Пока друг в друге мы обнаруживаем лишь мизер раздражающих черт и привычек и, одолевая эти помехи, лишь крепче привязываемся друг к другу. Я люблю Картера сильнее, чем когда бы то ни было считала возможным, а он оказался самым лучшим отцом, о каком женщина могла только мечтать для своего сына. Но – клянусь Богом, Иисусом, Девой Марией, Иосифом и другом детства Христа, Биффом!⁵ – если он не перестанет будить меня без двух минут пять каждое, едрена-печь, утро своим ноющим, как мотопила, храпом, то я отделаю ему задницу не хуже Дэвида Кэррадайна⁶.

О да, миленький кузнечик, ничто не спасет тебя от гибели: я удушу тебя во сне.

С другой стороны, если получше подумать, Дэвид Кэррадайн *самого себя* задушил по ходу какой-то запутанной истории с сексом, ведь так? Не думаю, что сумела бы убедить Картера удушить самого себя, какой бы обнаженной пред ним ни предстала.

Я все перепробовала, чтоб мой ночной сон раздражал меня поменьше. Я легонько толкала его под локоток, потому как, если верить «Гуглу», простая смена положения тела положит конец храпению. Вранье. И перестаньте орать: в «Гугле» все правда! Иначе как бы я узнала, что самой старой из живущих в мире золотых рыбок сорок один год от роду и зовут

⁴ Один из самых успешных молодежных хитов 1980#х годов, снятый режиссером Говардом Дойчем по сценарию Джона Хьюза.

⁵ Аллюзия на забавный роман Кристофера Мура «Овен. Евангелие от Биффа, друга детства Христа» (2002), где рассказ о годах жизни Иисуса, не описанных в Библии, ведется от имени его детского приятеля «из рода Левия Алфеева, называемого Биффом».

⁶ Известный американский актер и мастер боевых искусств. В 2009 г. Дэвид Кэррадайн был найден мертвым с затянутыми вокруг шеи и пениса веревками в шкафу номера гостиницы. Экспертиза подтвердила, что он погиб в результате несчастного случая: задушил себя, когда мастурбировал.

ее Фред?⁷ Или что, когда вы впечатываете в поиск «Гугла» слово «косо», вся страница слегка кособочится по часовой стрелке?⁸ Народ, это же факты!

Мой отец посоветовал мне купить для Картера коробку носовых накладок и закреплять их на переносице каждый раз перед сном.

Не вышло. На следующее утро я проснулась вся в носовых накладках, прилепившихся к местам, куда лепить их *ни в коем случае* не следует. Все это забавно и игриво до тех пор, пока не приходится запереться в туалете со щипчиками, зеркальцем и фонариком.

Я от расстройства не раз взбрыкивала ногами и шмякала ладонями по матрасу, вопия шепотом про членососов#храпунов и отсутствие у них уважения к людям, спящим тихо-тихо. Еще я срывала с него одеяло, била по лицу его же собственной подушкой, которую вырывала у него из-под головы, стараясь зажать ему нос.

Эй, не судите меня! Я не пустяк какой теряю, а сон.

Да и нос ему зажимала только до тех пор, пока он не начинал задыхаться от собственной мокроты. Едва же обретя способность речи, он рассказывал мне про сон, в котором ему казалось, будто он задыхается, а он, умирая во сне, сознавал, что перед тем, как отправиться на боковую, забыл сказать, что любит меня. Ну да, я чувствовала себя виноватой. Да, это я ему подстроила, в пять часов утра предаваясь любви с ним, и нет, я никогда не признавалась, что как раз *я*#то всамделе и пыталась укокошить его во сне.

Порой живущим вместе нужна парочка-другая секретов.

Картер находит мое раздражение его храпом премиленьким. Конечно, ему-то что. Не у него же уши кровоточат посреди ночи, и не он молит бога, чтоб делящая с ним ложе задохлась во сне. О нет, он уходит в страну снов, гадая по пути, отчего это на звуковой дорожке его поистине прекрасных сексуальных видений неожиданно возникают вжикающие ритмы затачиваемых ножей.

Прошлой ночью один из моих хорошо пристрелянных пинков (простите, я хотела сказать: нежных ударов пальчиками) возымел, наконец, действие: Картер умолк, перевалившись на другой бок. Какая ж то была красота! Расцветшее в спальне тихое, умиротворяющее спокойствие едва не заставило меня зарыдать от радости. Увы, стоило мне задремать и начать радостно проказничать в стране собственных снов, как Картер уже тряс меня за плечо и спрашивал, что я такое сказала. Потому как, по его словам, он спал, как каменный, но все равно мог бы поклясться, что слышал, как я спрашивала его, подойдет ли зеленое желе для чемодана с кусающимися черепашками.

Служба коммунальных услуг оповещает мужчин: «Если видите, что существо, к которому вы неравнодушны, крепко спит и ваш вопрос, поначалу заданный шепотом, не удостоен ответа, не удивляйтесь, если мы примемся изрыгать зеленую мерзость изо ртов наших быстро мотающихся голов, когда вы затрясете нас, чтобы, разбудив, задать свой дурацкий вопрос голосом пятьюдесятью децибелами громче, чем поначалу».

И вот так, народ, у меня всякий раз: пять утра, сна ни в одном глазу, одариваю в темноте любовь моей жизни отталкивающим взглядом и раздумываю, сумею ли сохранить невозмутимый вид, глядя ему в глаза, если решусь-таки заказать ту хитрую штуковину из ремешков, которые намертво крепят подбородок; я ее на прошлой неделе видела на канале «Домашние покупки». Уставившись в потолок и раздумывая, отчего это устройство по предотвращению храпа должно так сильно походить на ременный тормоз для лица, я вдруг вспоминаю кое-что *другое*, вычитанное не так давно в «Гугле», к чему я еще не прибежала (Фред, сорокаоднолетняя золотая рыбка, ФРЕД-ТО РЕАЛЕН, черт побери!). В статье утверждалось, что коро-

⁷ Если верить «Яндексу», то старейшие золотые рыбки живут в Англии, их зовут Плюх и Плих, и им «перевалило за 30». Несколько лет назад скончалась самая старая золотая рыбка в мире, Голди, прожившая (тоже в Англии) 45 лет.

⁸ Проверьте, если есть желание. Слово для ввода: askew.

тенький громкий выкрик наугад взятого односложного слова способен пробиться в сознание храпящего вполне ощутимо, чтобы прервать храпение, не выводя при этом храпящего из сна.

Я повернула голову набок и уставилась на профиль Картера. Глядеть на него, крепко спящего, мне, в данный момент пребывающей в стране бессонницы (прямой результат его искривленной перегородки), было как ножом по сердцу. Поскольку не могу излить свой гнев на его перегородку, не вызвав кровотечения из носа, то решаю, что вполне могу испытать и еще одно средство. Тем более что покупка ременного тормоза для подбородка потребует, чтоб с тех пор я стала звать Картера Членомордым. Что, полагаю, вызвало бы его неодобрение.

Сделав глубокий вдох, выпалила свое односложное слово: «БЛИ-И#И#И#И#ИН!»

Глазом не успела моргнуть, как Картер взвился на постели, пробудившись, махая руками-ногами и дрыгаясь, пока не оказался на самом краю кровати и не бухнулся с громким стуком на пол.

– Сучья сыть! Что это, к черту, было? – бормотал он, ворочаясь по полу.

– Думаю, это зеленое желе в чемодане с кусающимися черепашками, – возгласила я перед тем, как повернуться на другой бок и шмыгнуть под одеяло.

2. Пса моего голод одолел

– Клэр, я вовсе не считаю эту идею хорошей.

Я закатила на Папаню глаза и чуточку злее, чем требовалось, шваркнула поднос свежих «хрустящих масляных палочек» в витрину-холодильник под главной стойкой. Из-за моей злости несколько палочек повскакивали со своих мест на подносе, и, пока я, потянувшись, принялась укладывать их на место, приходилось сдерживаться, чтобы не умять хотя бы одну. При всем при том, что я люблю готовить сладости, обычно помногу я их не ем. Мне больше по вкусу, похоже, всякие подсоленные штучки. Признаться, сама не понимаю, что со мной такое творится в последнее время. Если я так и дальше буду пробовать свои изделия, то моя задница отрастит себе еще одну щеку, чтоб было место, куда весь жир складывать.

– По правде говоря, не считаю, что ты это до конца продумала, – продолжил Папаня, опершись бедром о стойку и сложив руки на груди.

Беру свои слова обратно. Я в точности знаю, отчего так обжираюсь шоколадом и сладостями.

Я запустила руку под стеклянный колпак витрины, схватила первый попавшийся хрустящий масляный пальчик и тут же целиком отправила его в рот. Посмаковав вкус коричневого сахара, ванили и кусочков ириса, позволила этой рожденной сахаром сладости сделать обычный ее фокус: снять с меня хоть сколько-то напряжения. Поскольку я физически не смогу выставить за дверь стоящую в кондитерской причину этого напряжения ростом в шесть футов два дюйма, не нажив себе при этом грыжу, сойдет и это. Я проглотила полный рот сладкого пальчика и постаралась не представлять себе, как он, отрастив маленькие ножки, рванул прямо к моей заднице, оставляя по пути кусочки масла на моих бедрах. Делаю глубокий вдох и, укрепив тем свой дух, обретаю возможность заняться отцом.

– Пап, мы с Картером живем вместе уже два месяца. Малость поздновато теперь для твоих речений, ты не находишь?

Папаня ни разу ни единым словом не высказывался против того, как мы с Картером решили вопрос совместного проживания, с тех самых пор, когда мы о том объявили в день грандиозного открытия «Соблазна и сладостей».

Тогда он, глухо рыкнув, глянул на Картера и ушел прочь. Лично для меня это значило одно: согласился. Теперь же, когда прошло два месяца и я не передумала, на что он, похоже, рассчитывал, у него ни с того ни с сего вдруг сложилось мнение.

– Всякий скажет: «Зачем покупать бар, если себе же не нальешь бесплатно пива».

Моя рука, потянувшаяся к тряпке, чтобы протереть стойку, застывает в воздухе.

– Пап, такого никто не скажет.

– *Всякий* так скажет, – талдычит он в ответ и, оттолкнувшись от стойки, подбоченивается.

Вздеваю очи горе и принимаюсь счищать крошки с покрытия витрины.

– Неужто? Кто? – спрашиваю с вызовом, уже слыша, как звякает входной колокольчик, извещающая о приходе покупателя.

– Люди, – стоит на своем отец.

Вздыхнув, отворачиваюсь от Папани и улыбкой приветствую покупательницу, направившуюся в отдел белого шоколада на противоположном от нас конце витрины. Убедившись, что та пока ни о чем спрашивать не собирается, снова поворачиваюсь к отцу:

– Пап, сейчас две тысячи двенадцатый, двадцать первый век, а не пятидесятые прошлого века. Люди обычно живут вместе, прежде чем обречь себя на любое серьезное решение. Да нам просто нужно время, чтобы привыкнуть друг к другу, научиться жить одной семьей, не поубивав друг друга. В этом нет ничего особенного.

Папаня пыхтит, настает его черед раздраженно уставиться на меня.

– По правде, Клэр, скажи, когда это я хоть чем-то давал тебе повод считать меня старомодным? Просто я не хочу, чтобы этот дикарь по недомыслию решил, будто стоит ему перевезти вас с Гэвином к себе, как все – нечего больше и стараться это оформить, как положено. По крайности, если б он женился на тебе, я бы не тревожился, что твоя ноющая задница появится на пороге моего дома, а ты запросишь обратно свою старую комнату.

Вот интересно, сколько хрустящих масляных пальчиков я смогу запихать себе в рот зараз?

– Ты всамделе только что назвал Картера *дикарем*? Не лучше ли нам присесть на диван да обсудить этого разгильдяйчика, а заодно и то, насколько ты ничуточки не старомоден? – съязвила я.

– Мне надо было продать тебя в бродячий цирк, когда тебе четыре годика было. Сидел бы сейчас на озере, рыбку ловил бы вместо того, чтоб вести с тобой этот разговор, – пробурчал отец.

До женитьбы на моей матери Папаня был женат дважды, имя своей первой жены, Линды, он вытатуировал на руке. Когда я была помладше, то пыталась заменить «Линда» на имя моей мамули – Рэйчел: пустила в ход заостренный фломастер, когда отец спал. Жаль, проснулся он раньше того, как я успела закончить. Слово «Ринда» он выводил с руки целых три дня. Когда я рассказала эту историю Картеру, тот запел на манер китайцев из «Рождественской истории»⁹: «Зар украшен острористом, фа-ра-ра-ра-ра, ра-ра-ра-ра!» Однажды он попытался пошутить по этому поводу, заявив Папане: «А вы на дере рюбири Ринду». Отцу показалось, что его выставляют каким-то Скуби-Ду¹⁰, и он не нашел в этом ничего забавного. Возможно, как раз поэтому его и не устраивало на все сто наше совместное проживание. А все в целом – важнейшая иллюстрация к тому, отчего я до сих пор не последовала повальной моде идти под венец. Папаня трижды наступал на эти грабли, мамуля – два раза, пока наконец-то не решила, что брак – это не для нее (мне тогда двенадцать лет было), и, упаковав вещички, не подалась в большой город, где купила квартиру в жилтовариществе.

Так что, правду говоря, не было в моей жизни блистательных примеров счастливого житья-бытья после свадьбы.

Как бы то ни было, суть в том, что каждый в собственной жизни сам принимает решения: какие-то из них хороши, какие-то плохи. Все они по-своему учат нас тому, что мы за люди, и всякой такой хрени. Какого бы мнения ни держался мой отец, мне необходимо уяснить, выдержит ли наше сожительство храп Картера (плюс его неспособность насадить новый рулон туалетной бумаги на держатель) еще до того, как мы совершим нечто официальное, от чего уже не будет возврата.

Пока (закроем глаза на глупые привычки) мы вполне ладим, сожительствова вместе. Гэвин славно приспособился к отцу, да и я не придушила Картера во сне. Полная победа налицо.

В конце концов по выражению моего лица Папаня понял: разговор окончен, никакие дальнейшие доводы не обсуждаются – и забросил куда подальше свои аналогии с пивом, сексом и, едрена-печь, с чем угодно еще. Сграбастав со стойки газету, которую положил туда, войдя в кондитерскую, он сует ее под мышку и шагает к одному из столиков у витринного окна выпить кофе. Невзирая на паршивое настроение, какое на меня нагнал отец, вид этих четырех черных круглых столиков перед витриной венецианского стекла у входа в конди-

⁹ Американская святочная комедия (1983, режиссер Боб Кларк) на основе забавных историй накануне Рождества или в ходе самого праздника. В одной из них квартет китайцев исполняет начало традиционной рождественской песенки «Зал украшен остролистом...», меняя все звуки «л» на «р» (считается, что китайцы, как и японцы, не делают различия между этими звуками).

¹⁰ Персонаж серии популярных мультфильмов, говорящий немецкий дог.

терскую вызывает у меня улыбку. Их доставили меньше недели назад, и я всякий раз воспаляла на головокружительную высоту, когда видела, что кто-то за эти столики садился, пусть даже это и мой отец. Это *моя* кондитерская и это *мои* столики – и ничто не в силах замарать воодушевления, каким они меня наделяют.

Снова звякнул колокольчик у входа, глянув на дверь, вижу, как в нее буквально ломится моя подруга Дженни, лицо которой сердито насувлено. Я бы и в миллион лет не смогла представить себе, что у меня в подругах окажется кто-то вроде нее. Красивая, как модель на подиуме, со слетавшими у нее с языка словечками, в которых редко имелся смысл, она за несколько месяцев нашего знакомства доказала, что способна быть хорошим другом, помочь всякому в чем ни попроси – и безо всякой задней мысли. Ко всеобщему удивлению, Дженни удалось заарканить лучшего друга Картера, Дрю, и обернуть его колечком вокруг своего мизинчика. Дрю – самый большой бабник, каких только свет видывал, и все ж по какой-то причине Дженни ухитрилась приручить его. В какой-то мере.

– Эй, это еще что такое? – спрашиваю я Дженни, выходя из-за стойки ей навстречу. Взгляд на часы: всего одиннадцать утра. – Ты почему не на работе?

Дженни работает в той же самой компании компьютерного дизайнера, в которую пришла еще студенткой-первокурсницей. Начала стажером и быстро продвинулась по службе, став одним из самых талантливых дизайнеров#графиков, работавших в этой компании. В трудную минуту, когда я открывала кондитерскую, она помогла мне и в свое свободное время сделала все рекламки, брошюры и визитки, причем наотрез отказалась от оплаты. Вот вам и одна из главных причин, почему я решила, что она мне нравится.

Лично я любого, кто не берет с меня денег за оказанные услуги, заносу в книгу хороших людей.

Услышав мой вопрос про работу, Дженни истерично хохочет и складывает руки на груди:

– Важный вопрос, Клэр. А ответ на него: а меня уволили, – успеваю выговорить она, прежде чем удариться в слезы, обхватить меня руками и зарыться лицом мне в плечо.

О, Господи Иисусе, только не это!

Неловко изогнув локоть, похлопываю ее ладонью чуть пониже спины. Руки Дженни по-прежнему стискивают меня в обхват, причем на такой высоте, что я едва достать могу. Сунув другую руку в задний карман джинсов, я тащу оттуда мобильник и отправляю быстрое сообщение находящейся за дверью Лиз: «Боже, пожалуйста, помоги мне».

Дженни продолжает плакать, хлюпать носом и через каждые несколько минут подвывать. Незаметно отплеываюсь от ее набившихся мне в рот волос и, пока она все глубже зарывается мне в шею и плечо, тревожно поглядываю на свой мобильник, гадая про себя, долго ли мне еще понадобится делать вид, будто мне по нраву утешать людей во время нервных срывов, прежде чем Лиз оторвет задницу и заявится сюда мне на выручку. Наверное, не очень по-дружески будет с моей стороны, если я стану беситься из-за того, что кто-то другой мог бы размазывать сейчас соплю по плечу моей тишотки. Телефон жужжит у меня в руке, и я, вытянув шею и перегнувшись через плечо Дженни, читаю сообщение:

Я занята с покупателями. Тебе придется СТАТЬ МОЛОДЦОМ и самой утешить ее. Начни действовать так, словно у тебя, хрен тебя задери, есть влагалище, и приголубь ее.

Целую – Лиз

Я скрежещу зубами, уяснив, что в адские подземелья утешения мне предстоит сойти одной.

– Ну, хватит, хватит, – причитаю я, вновь похлопывая Дженни по спинке. Всамделе-то, думаю, мне следовало бы родиться парнем. Я знаю немногих женщин, у кого проявление чувств вызывает отвращение. Я же, как вижу плачущую женщину, так обычно бегу в другую сторону. Я совсем не из тех, кто заботливо обнимет бедняжку и пустится уверять ее, что

все образуется... Наверное, потому что не образуется. И скорее всего, приголублю я ее или нет, ей будет без разницы дерьмово, а потому, наверное, для всех причастных будет лучше, если я попросту постою в сторонке, а в нежности пусть кто-нибудь другой пускается. Я себя куда увереннее чувствую, вздымаясь на волнах гнева и по-тихому закипая из-за чего-то, пока башка не лопається. Это естественно. А вот обниматься, плакаться и соплывать кого ни попадя с головы до ног – нет.

– Может, ты просто повышение получила? С какого такого рожна им тебя увольнять? – спросила я, ужом выползая из объятий Дженни и стараясь половчее отодвинуться от нее.

Не смотри на соплю у себя на плече, не смотри на соплю у себя на плече. Понимаю, что ты их чувствуешь, но, бога ради, НЕ СМОТРИ НА НИХ!

Наконец Дженни отпускает меня и принимается кулачками вытирать следы слез на лице. Эх, если б она то же самое сделала со своими соплями вместо того, чтобы утирать их о мое плечо!

– Я на самом деле понятия не имею, почему меня уволили. Мне подстроили какую-то песню с ужином про позитивное отношение, – с кислой миной выговаривает она.

– Ты имеешь в виду танцы? – задаю я вопрос, совсем перестав соображать, что к чему.

– Клэр, вникни! Меня уволили! – взвизги-ваёт Дженни. – Сейчас не время говорить о танцах.

Я дышу поглубже, успокаиваясь, и хватаюсь за бока, чтобы не дать волю рукам и не задушить ее.

– Ладно, так тебя, значит, уволили из-за того, что начальству не нравилось твое отношение? – повторяю я.

Дженни недоверчиво глядит на меня:

– А я знаю? Я им заявила, что я и есть самая позитивная в этом гадюшнике.

– Дословно? – уточняю я.

– Никуда я их не посылала. Ты это про что? Ты хоть слушаешь меня? Ты что, выпила?

Последний вопрос задается театральным шепотом, с оглядкой на покупательницу, еще раньше зашедшую в кондитерскую. Я щиплю себя за переносицу, стараясь не затопать ногами и не впасть в приступ гнева, как это делает Гэвин, когда я заявляю, что он отлучен от игровой приставки.

– Что мне теперь с работой делать? – нюнит Дженни, вышагивая туда-сюда передо мной. – У нас с Дрю трехмесячная годовщина, и я собиралась купить ему кое-что и впрямь стоящее, а теперь не смогу себе этого позволить.

Схватив ее за локоть, я останавливаю эти метания и тащу Дженни за прилавок, увидев, что покупательница уже выбрала, что ей надо, и готова совершить покупку.

– Уверена, Дрю поймет, – говорю я Дженни и принимаюсь укладывать в коробку фунт крендельков в белом шоколаде, запрошенных женщиной.

– Не поймет. Он расстроится. Я уже рассказала ему, что собираюсь купить, и он ждет не дождется, когда получит свою губку в форме влагалища, – уныло замечает Дженни.

Я роняю металлические щипцы для сладостей на пол и обращаю взгляд на жалобно вздыхающую подругу.

Пока подбираю с пола щипцы, пока бросаю их в мойку и беру чистые, я прокручиваю в мозгу целый ворох картинок (чего делать не должна бы, когда меня покупательница дожидается): вроде шахны, прикрытой зеленой вуалью, и сырных головок в форме влагалища, танцующих в глубине моего холодильника вокруг пластиковой тары, в которой лежат спагетти двухмесячной давности.

Дженни смотрит на меня, замечает ужас на моем лице (а он вызван моими потугами вытравить из сознания образ сырных влагалищ, распевających у меня в башке «Лепись, лепись, детка» голосом рекламного Ванильного Мороженого).

– Клэр, ты что, не видела новый товар, который Лиз получила на прошлой неделе? Это такая губка, которой можно придать форму своего влагалища. Так, чтоб твой парень мог... ты ж понимаешь...

Дженни прибегает к извечному жесту: палец-пенис одной руки входит во влагалище из сомкнутых в кольцо указательного и большого пальцев другой руки, и заставляет палец несколько раз дергаться рывками.

– Фу-у#у#у, гадость какая! – шиплю я, шлепая ее по рукам, чтобы прекратить непристойные дерганья в то время, когда я отпускаю покупательнице шоколад.

– Никакая не гадость, – возражает Дженни. – Это романтично. Дрю хочет копию моего... – она косит глазом на покупательницу и понижает голос: – ... любовного туннеля, чтоб он был как бы со мной, когда мы в разлуке.

Я отхожу от нее, чтобы рассчитаться с покупательницей, и стараюсь не рисовать в воображении Дрю, держащего какую-то гибкую, силиконовую, похожую на влагалище гадость и говорящего с нею детским голоском, похожим на тот, каким говорила Дженни: «У#уу-уу, абажаю мою куошку Дженни-влагалище! Да еще как!»

– Не легче было бы просто достать ему надувную куклу да приклеить ей куда надо твое лицо? – спросила я, смотря вслед уходящей с покупкой женщине и надеясь, что та не все расслышала в нашем разговоре, а потому не даст зарок не переступить больше порога моей кондитерской.

Дженни, явно жалея меня, качает головой:

– В тебе абсолютно нет чувства романтического, Клэр.

В ответ я лишь негодуяще фыркаю, поскольку занята: укладываю в коробку покрытые шоколадом клубничины для заказа, который должны забрать после обеда. Романтического во мне навалом.

Вот сегодня утром я оставила возле подушки спавшего Картера коробочку его любимых конфеток, «капелек» – залитых белым шоколадом комочков толченых чипсов с крендельками, spraysнутых карамелью. По моему расчету, это смягчит его, когда он будет читать прислоненную к коробочке записку, в которой я уведомляю его, что если он еще раз оставит стульчак в туалете поднятым и моя задница в шесть часов утра примет вовсе не желательную ванну, я, когда он будет спать, вымажу ему суперклеем всю головку пениса. Я даже подписала записку парочкой сердечек.

Кто говорит, что романтика умерла?

Закрываю коробку клубники, обвязываю ее розовой ленточкой с моей росписью, закрепляю наклейкой с названием и адресом кондитерской. Отложив коробку в сторону, поворачиваюсь лицом к Дженни, а та уминает целый поддон арахисового печенья в белом шоколаде, которое я в то утро стряпала на пробу.

– Дженни, оставь шоколад в покое и отойди от поддона – медленно, – говорю я ей, как можно лучше стараясь подражать голосу киношного психолога-переговорщика. – Я хотела попросить, может, поможешь мне кое в чем, но знала, как ты занята на работе, – объясняла я, обходя ее вокруг, забирая у нее из рук поддон, пока она не натворила бед себе или другим своим обжорством на почве безработицы.

– Работа! – всхлипывает тут же Дженни, и губы у нее начинают трястись. Она тянется сразу двумя руками и опять хватается за поддон с еще не заполненными шоколадками.

– Иисусе, да дай мне хотя бы до конца доделать! – сердито бросаю я и шлепаю ее по рукам.

Она вздыхает и в конце концов отпускает поддон с шоколадками и успевает усыпать крошками арахисового печенья изо рта все оставшееся лакомство, прежде чем повернуться ко мне.

Я убираю поддон подальше от нее да и от своего прожорливого взгляда тоже, пока меня саму не начинает подташнивать.

– Как я уже сказала, здесь есть куча дел, которые ты могла бы для меня сделать. Мне нужен интернет-сайт, созданный и поддерживаемый, нужно, чтоб кто-то занялся рекламой и всем, что связано с маркетингом этого заведения, в чем я не разбираюсь вовсе. На днях мне позвонили из одного журнала, хотели условиться об интервью, а я понятия не имею, что тут к чему. Понимаю, для тебя это не идеальная работа и, наверное, я не смогу даже близко платить столько же, сколько ты заколачивала раньше, но ты не согласишься поработать у меня, временно, пока не подыщешь себе что-то другое?

Визг, что вырывается у Дженни, преодолевает звуковой барьер и заставляет мелких собачек по всей стране заскулить от ужаса. Она обхватывает меня руками и принимается скакать вверх-вниз, вновь вызвав во мне тягостные ощущения при проявлениях восторженной любви, которые люди считают нужным выказать.

– Клэр, огромное тебе спасибо! Обещаю, больше я не буду кукситься. Я такую работу покажу, что тебе захочется отодрать меня за милую душу!

Подняв взгляд, вижу стоящего за спиной Дженни Папаню. Вид у него такой, будто он предпочитает, чтоб его стошнило арахисовым печеньем в белом шоколаде, чем услышать ненароком наш разговор.

– Я просто... мне надо... пса моего голод одолел, – бормочет он, поворачивается и шагает прочь.

Дженни меня отпускает и смотрит, как мой отец быстро выходит из магазина.

– У твоего отца есть собака?

Я повела головой из стороны в сторону и глубоко вздохнула:

– Боже упаси.

3. Он в «Джаред»¹¹ покупал

– Слышь, Картер, когда я тебе вчера по пьяни звонил, я, случаем, не сболтнул, куда свои ключи подевал? – спросил Дрю, когда я зашел в гостиную.

Он рылся в диванных подушках, кляня все на свете и извлекая рассыпавшиеся монетки, мелкие игрушки-сюрпризики и прочие вещицы, которые находил по щелям и расщелинам. Я подхватил с придиванного столика бейсболку, натянул ее на голову и только потом повернулся посмотреть, чем он занимается. Мы с Дрю уже несколько месяцев не жили под одной крышей, и все ж как-то так получалось, что даже сейчас, когда мы с Клэр жили вместе, мне все равно случалось то и дело наткаться на него, лежавшего в отключке на моем диване.

– Как же ты домой-то вчера попал, если у тебя ключей не было? Надеюсь, ты сечешь, что понятие «домой» я употребляю в широком смысле. Мне, положим, приятно твоя компания и приятно смотреть, как ты шатаешься пьяным вокруг моего дома в четыре утра, когда Дженни не открывает дверь, потому как принимает тебя за убийцу с топором, только все же живешь-то ты не здесь. Даже если ты так и считаешь, раз уж я всегда открываю тебе и впускаю в дом.

Из дивана, пока Дрю в поисках ключей без усталости до самого Китая, выплывает мобильный телефон. Подхожу, подхватываю его и сую в задний карман. Теперь я вспомнил, почему впустил Дрю. Он не боится соваться рукой во все щели дивана до самого доньшка. Я отлично знал, где посеял свой мобильник, только попросту боялся пускаться на его поиски. Под всеми этими диванными подушками притаились вещицы жуткие, просто жуткие. В этом-то я быстро убедился: как же иначе, когда живешь в одном доме с ребенком.

– Я, наверно, такси брал. Или пехом пер. Не помню: вечерок как-то смазался после того, как я у себя на члене товарные наклейки обнаружил, когда писать пошел, – на полном серьезе произнес он в ответ, вставая с колен и поворачиваясь ко мне лицом. Помятая, вся в пятнах тишотка с надписью «Спроси меня про мой громадный член» и одним оторванным рукавом свидетельствовала: ночь была бурной.

Я даже не берусь убеждать его, что, раз уж он оказался без ключей, когда уносил ноги из клуба или еще откуда, куда прошлой ночью забрел, это вовсе не значит, будто они вырыли себе норку в моем диване. Да и мысли у меня в тот момент были другим заняты. Оставляю Дрю и ухожу на кухню, направляясь к пиджаку, висящему на одном из стульев. Лезу в карман, достаю маленькую черную бархатную коробочку, открываю крышечку, чтобы полюбоваться на содержимое – в десятитысячный раз, с тех пор как купил на прошлой неделе.

Вид полуторакратного платинового бриллиантового кольца, угнездившегося на белой атласной подушечке, заставляет мое сердце учащенно биться. И, не собираюсь врать, от него же к горлу словно тошнота подступает. Совсем чуть-чуть. Глаз не свожу с драгоценности, на выбор которой понадобилось восемь дней и шесть поездок в ювелирный. Основной бриллиант огранки «Принцесса»¹² в обрамлении двенадцати классических круглых бриллиантов в три четверти карата. Само кольцо тоже снабжено цепочкой небольших круглых бриллиантов. Элегантно и красиво.

Да, понимаю, я болтаю, будто ходячая реклама ювелирного магазина, и мужики повсюду уже мурлычут сигнал «Отбой!» и вопят про себя «МУЖИК, ЗАГЛОХНИ!», только

¹¹ Одна из крупнейших в Америке ювелирных фирм, особо славящаяся бриллиантовыми кольцами для помолвок и бракосочетаний.

¹² Вид смешанной огранки бриллианта, ставшей в наше время настолько популярной, что уступает только классической круглой бриллиантовой огранке.

меня слегка колбасит оттого, что Клэр сможет глянуть эдак свысока на всех своих подружек и со значением бросить: «Он в «Джаред» покупал!»

Если она скажет «да». А она точняк скажет, ха-ха! И вовсе я не нервничаю. И чесотка меня не одолевает, и яйца не потеют при мысли о том, чтоб предложение сделать, а в ответ, возможно, услышать, как она смеется и уверяет, что я малость свихнулся. Кто женится, пожив вместе всего несколько месяцев? А кто после ночки-на-раз в колледже пятью годами позже узнает, что в результате ребенок получился? Кто все эти годы проводит, обратившись в пресмыкающееся, которое ползало по всем парфюмерным лавкам всякий раз, когда туда завозили какую-нибудь новую линию лосьонов с шоколадным запахом, и у кого столбом вставал, когда на работе какой-нибудь малый, только-только родивший дочку, раздавал шоколадки в сделанной по случаю обертке с надписью: «АВОТОНА!» Малый-то этот рядом стоит. Даже не спрашивайте, как я выпутывался, объясняя и то, отчего у меня штаны спереди торчком, и то, что я НЕ растлитель малолеток, что это совершенно естественно, когда у тебя встает, если товарищ по работе заводит речь о младенце.

В голове у меня эта фраза складывалась гораздо лучше, так что давайте-ка сделаем вид, будто я ее вовсе не произносил, и пойдем дальше.

Факт, что я несколько лет провел, желая снова увидеть свою единождынощную и выяснить, была ли она на самом деле, а также в надеждах в один прекрасный день опять встретить ее и убедиться, что она все еще способна рассмешить меня и вогнать в возбуждение одним прикосновением руки или запахом кожи.

Я пытался заполнить пустоту бабой, в чьем ротике яиц уместилось бы больше, чем в пасти самого гигантского бегемота, но однажды застал ее за игрой «спрячь колбаску» с нашим соседом, что навело меня на две мысли. Первая: мне никогда не следовало пытаться вымарать память о девушке своей мечты любой другой. А под «любой другой» я имею в виду потаскуху. И вторая: у нашего соседа слоновье заболевание яйца, так или иначе требующее самого серьезного медицинского обследования. Нет-нет, я ничуть не ошибся. Речь и впрямь велась о *яйце*, существительном в единственном числе. У того гада было всего одно яйцо, зато размером с кокосовый орех.

Серьезно. Найдите в «Гугле» картинку кокосового ореха. Я подожду. Потому как вам и впрямь надо получить полное представление, насколько я был ошарашен, увидев то, что у него болталось. Секунд двадцать понадобилось мне, чтобы избавиться от этого мудежа в башке и накинуться с руганью на них обоих.

Все это, вызывавшее ночные кошмары, убеждает меня, что, когда я нашел Клэр, я знал: все на свете сделаю, чтобы никогда больше не потерять ее.

Может, мы и сделали все через задницу, только я бы не стал ничего менять. Весь мир для меня в Клэр и Гэвине, и я хочу оформить это официально. Хочу, чтоб она знала: ничто не в силах оторвать меня от них, и я с ними до последнего. А нервы оставим в стороне. Я улыбаюсь, любуюсь на свое будущее и приличный кусок сбережений, уместившихся в маленькую бархатную коробочку. Закрываю крышку *со щелчком* как раз в тот миг, когда порог кухни переступает Дрю, позвякивая связкой ключей, которую он нанизал на указательный палец и старается держать как можно дальше от себя.

– Значит, ты и впрямь собираешься это сделать, а? Лучше поостеречься, чем обжечься.

Гэвину тоже приспичило именно в этот момент вбежать в комнату, и я подхватил его на руки, не успев выяснить у Дрю, чего это он уже второй раз за месяц теряет ключи в моем туалете.

– А почему дядя Дрю посуду моет? – спрашивает Гэвин, обхватывая меня руками за шею.

– Я не посуду мою. Я мою свои ключи, – объясняет Дрю, стоя к нам спиной и пытаюсь выловить в воде связку. Выхватывает, наконец, ключи и поворачивается к нам, обдавая нас с Гэвином брызгами.

– Ключи не моют. Это глупо, – серьезно отзывается Гэвин.

– Ась, приветик? И ты ключи станешь мыть. Особенно если на них *твои* какашки, поскольку они побывали у *тебя* в уборной, – произносит в ответ Дрю, стряхивая капли с кольца связки.

– Я на ключи не какаю! – сердито вопит Гэвин. – Это ТЫ на ключи какаешь. Я тебя головой в туалет засуну.

Тут бы мне, наверное, стоило вмешаться, но порой такое для меня – радость брэнного дня. Размыкаю руки Гэвина на шее и опускаю его на пол.

– Лады, хватит. Гэвин, иди к себе и возьми бейсболку. Уже почти пора захватить за мамочкой и идти смотреть игру.

Гэвин уносится, но прежде успевает бросить сердитый взгляд на Дрю.

– Чел, у этого ребенка проблемы с сердитками. Надеюсь, ночью ты спишь вполглаза, – бормочет Дрю, глядя вслед убегающему Гэвину. Он вновь поворачивается ко мне и складывает руки на груди. – Ты, значит, последовал моему совету и решил сделать предложение на бейсболе? Мило. Хорошее дело.

– Как ни больно мне в том признаваться, но идея и впрямь была хорошей. Один малый на работе принес кучу бесплатных билетов на сегодняшнюю игру «Индейцев», потому как его дочка работает билетершей в «Прогрессив филд»¹³. Малый говорит, что больше не разрешается просто заплатить – и любуйся себе на табло с сообщением о твоей помолвке. Он дал мне рабочий телефон своей дочери, и та рассказала мне про весь их пакет услуг для делающих предложение. Так что за три сотни я теперь имею честь быть обладателем полного пакета «Кливлендского индейца», – горделиво разъясняю я.

– Эти три сотни долларов дадут гарантию, что в этом году они хоть одну игру выиграют? – вопрошает Дрю.

Отрицательно трясую головой:

– Наверное, нет. Зато они дадут нам места в VIP-ложе после того, как я сделаю предложение, глянцевое фото тринадцать на восемнадцать момента предложения, каким его покажут на табло, дюжину алых роз и подарочный сертификат в ресторане клуба «Терраса», он тут же в парке находится, где мы можем устроить праздничный ужин, – говорю с улыбкой и беру свои не загаженные в туалете ключи от машины вместе с бумажником.

– Если она скажет «да», ты хочешь сказать. Иначе это будет самое гнетущее фото, когда-либо висевшее у тебя на стене, а уж ужин выйдет *воистину* неуклюжим, – выдает Дрю, печально покачивая головой.

– Спасибо тебе большое за этот вотум доверия, – невозмутимо говорю я.

И тут опять начинаю нервничать. Но нервам я одолеть себя не дам. Я неделями голову ломал, стараясь придумать, как неподражаемо, по-особому сделать Клэр предложение, и, когда она как-то обмолвилась, что никогда не водила Гэвина на игру «Индейцев», я понял: вот она, идеальная обстановка. На глазах тысяч людей и в присутствии нашего сына. Что может быть лучше этого? И, правду говоря, какой женщине такое не понравится?

Все это пошло прахом во время шестой подачи. А до этого, если не считать, что из-за Дрюшкиных подначек у меня слегка подводило живот, в первые пять подач все шло прекрасно. Гэвин балдел от стадиона, а «Индейцы» вели в семь очков. Коленки дрыгались от разбиравшей их дрожи, и я подавлял в себе желание усобачить еще один хот-дог, чтоб найти

¹³ Спортивный комплекс в Кливленде (Огайо), где проводятся матчи по бейсболу высшей лиги. Базовый стадион профессионального бейсбольного клуба «Кливлендские индейцы».

себе какое-то занятие, потому как на стадионе я после восьми хот-догов подвожу черту. Еще я гнал от себя мысль, что так и не попросил у отца Клэр руки его дочери, а ведь и нынче люди порой все еще так делают, верно? Не разозлится Джордж на меня за то, что мы формально не обсуждали с ним детали предстоящего бракосочетания и я не испрашивал его согласия? И вот, стоило мне мысленно произнести «формально», как я тут же представил себе Джорджа в темной тройке и широкополой шляпе, сидящим напротив над наполовину опустошенной тарелкой итальянской лапши: вот он подпирает пальцами подбородок, вот извиняется, вот встает и идет в туалет, чтобы взять припрятанный там пистолет и выстрелить мне в голову.

«Оставьте в покое пистолет. Ешьте лапшу!»

Несколько человек, сидящих на ряд ниже, оглядываются и недоуменно смотрят на меня – я только плечами пожимаю. Они меня не осуждали бы, если б знали, что мой будущий тесть – чудовище, жаждущее моей смерти, поскольку я не так, как заведено, женился на его одной-единственной дочери.

Клэр слишком увлеклась спором с Гэвином о том, что три порции сладкой ваты на деле не придадут ему способностей супермена, что бы он ни видел по телевизору, а потому она даже не замечала, что меня пробирает мелкий страх. Да и в любом случае делиться этим я с нею не стал бы. Предполагалось, что будет сюрприз – обалденный, меняющий жизнь сюрприз, способный создать или поломать наше будущее. Или мои коленные чашечки, если Джордж решит, что и вправду ненавидит меня.

Я все еще не могу унять дрожь в коленях, пока Хосе Кабрера¹⁴ добирается до базы, и мысленно произношу слова, с которыми собираюсь обратиться к Клэр.

Никогда не помышлял, что вновь отыщу тебя... ты – мое сердце и моя душа, смысл моей жизни... каждое мгновение, проведенное с тобой, подобно...

Смех Клэр вывел меня из ошеломления. Перевожу на нее взгляд и вижу, что она тычет пальцем куда-то в поле и тихо ржет вместе с несколькими соседями по трибуне, восклицая: – О, бог мой, нет, вы только гляньте на это!

Смотрю за третью базу и вижу то, что вызвало ее интерес. Когда я вижу, к чему прикованы взгляды всех вокруг, то чувю, как желудок стремглав падает аж до подошв, а восемь съеденных хот-догов того и гляди вновь заявятся на белый свет в совершенно непотребном виде, что будет вовсе не так забавно, как пляшущее мясо, распеваящее рекламную песенку оскар-мейеровской сосиски¹⁵.

Там, в районе первой базы, телетранслируемый на большое табло, видимое всему «Прогрессив филд», стоял, преклонив одно колено, парень и протягивал в руках коробочку с кольцом истерически рыдающей женщине, от потрясения прикрывающей ладошками рот. И во все табло чуть пониже картинки замерцали красные буквы: «Кристал, выйдешь ли ты за меня замуж? С любовью, Роб!»

Клэр фыркала и трясла головой:

– Ну и дубина же этот парень! Это ж каким убогим надо быть! Делать предложение на бейсбольном матче перед десятками тысяч незнакомцев да еще и на табло это транслировать? Более избитого способа трудно придумать.

Когда же на табло-экране женщина склонила голову в знак согласия и парочка обнялась, Клэр завопила, перекрывая хлопками и одобрительные выкрики зрителей:

– ЭЙ, ТЫ, БОЛВАН, КАК ОРИГИНАЛЬНО!

Ой, Иисусе милостивый. Мать, бепать, милостивая, распробепать твою мать.

Меня ж сейчас удостоят премии «Болван года», если на этом экране через пяток минут, как запланировано, появится мое предложение руки и сердца. Понятия не имею, *есть ли*

¹⁴ Очень известный игрок высшей бейсбольной лиги, вообще-то выступающий за команду «Ланкастерских трюкачей».

¹⁵ «Оскар Мейер» – название мясной компании, некогда основного производителя сосисок для хот-догов.

вообще такая премия – «Болван года». Должна быть. Наверное, в виде громадного золотого пениса с нацеленной в него стрелой, на которой надпись: «Это ты! Елдак-гигант! Поздравляем!» Наверное, есть даже книга лауреатов премии «Болван года», которую печатают ежегодно, вроде книги лауреатов «Премии Дарвина», которая никак не связана с присуждением почетной награды, зато полностью связана с тем, что народ тычет в тебя пальцем и смеется, потому как ты умер, пытаясь приохотить к медленному танцу страуса, который скорее глаза тебе выключет, чем выучится «ча-ча-ча».

Клэр враз мне глаза выключет, если я сделаю ей предложение прямо сейчас!

– Картер, с тобой все в порядке? У тебя такой вид, будто тебя вот-вот вырвет. Говорила же тебе, никак нельзя запихивать в себя больше шести хот-догов. Это ж все равно что напрашиваться на болезнь свинячьего рыла или еще там какой дряни, из которой они сосиски делают, – отчитывала, озабоченно оглядывая меня, Клэр.

– А я ел свинячье рыло?! – взбодрился Гэвин. – Что такое свинячье рыло?

Клэр поворачивается к нему лицом и пытается объяснить сыну, что вообще-то хот-доги делаются из собак, и я, улучив момент, вскакиваю со своего места, бормочу что-то такое про тошноту и мчусь по лестнице к проходной, чтобы отменить свой полный пакет услуг «Кливлендского индейца» прежде, чем умру медленной, мучительной смертью, когда мне глаза выключают.

4. Любит – не любит

– По-моему, он собирается порвать со мной.

Вздых Лиз в телефоне был громким и отчетливым. Понимаю: она на меня злится. *Я сама* на себя злюсь. Доходит до того, что мне невыносим звук собственного голоса, и все ж я не могу не говорить об этом.

– Все время после того, как на прошлой неделе мы сходили на игру «Индейцев», он и впрямь ведет себя странно, – пояснила я, останавливая машину на дорожке возле дома и оставляя двигатель работать вхолостую.

– Картер не собирается порывать с тобой. Может, уже заткнешься об этом? Может, у него просто на работе какой напряг или переживает, что родители его наконец-то в гости собрались. Ты испробовала на нем то, о чем я тебе на днях говорила? Ну, когда ты берешь свои пальцы и засовываешь их ему в...

– ЛЯ-ля-ля, Я НЕ СЛУШАЮ ТЕБЯ! – завопила я, заглушая ее голос и стараясь не слышать таких слов, как «простата» и «мягкий массаж».

– Прекрасно, – говорит она как бы между прочим. – Только, уверяю тебя, это даст ему совершенный расслабон.

Я выключаю зажигание и упираюсь лбом в руль.

– Ты хотя бы попыталась... э#э, не знаю... ну, спросить его, что стряслось? – продолжает Лиз.

– Ты ведь сейчас на меня глазки закатываешь, так? – отвечаю я. – Нет, я его не спрашивала. Я сделала то, что всякая женщина делает при новой связи, когда ее дружок весь из себя дергается и нервничает. Я совершенно не обращаю на это внимания и делаю вид, будто ничего особенного не происходит, и при этом составляю перечень возможных колких отповоров и возражений, какие могу пустить в ход, когда ему в конце концов придет охота дать мне отставку. Я НЕ собираюсь становиться одной из тех, у кого язык немеет, когда он твердит: «Дело не в тебе, а во мне», а через шесть часов, сидя в одиночестве и темноте с бутылкой водки, вопит: «А#а, ЭТО ВСЕ ИЗ-ЗА ТЕБЯ И ТВОЕЙ МАЛЕНЬКОЙ ПИПИРКИ!» Я намерена держать в боевой готовности отпоры на все случаи жизни, чтоб не прибегать к ним слишком поздно, когда я пьяная или одна, и они никому не принесут никакой пользы.

Откидываюсь на спинку сиденья и смотрю на входную дверь дома, в котором теперь живу с Картером. Белое, на три спальни, одноэтажное ранчо с черными ставнями угнездились в гуще роскошных сосен. Я люблю этот дом. Но куда важнее, что я люблю двух мужичков в нем. У меня буквально сердце колет при мысли о жизни без Картера.

– Между прочим, у Картера пипирка совсем не маленькая, – говорю я, нарушая молчание.

– Об этом ты мне уже говорила. Несколько раз, – невозмутимо бросает Лиз.

– Извини, что загружаю тебя всем этим.

– Не извиняйся. На то я у тебя и есть. Просто поговори с ним об этом. Можешь отблагодарить меня за мудрый совет тем, что вспомнишь, что ты, как главная невестина подружка, должна держать меня как можно дальше от устройства и проведения всякого девичника в эти выходные, – напоминает мне Лиз.

Время свадьбы Лиз и Джима накатывает быстро. Стараясь как можно меньше походить на обычную невесту, Лиз наложила вето на традиционный холостой девичник, а вместо этого решила собрать на вечерку обоеполую компашку в какой-нибудь забегаловке. Может, именно это и нужно нам с Картером: вечер с друзьями без заботы или родительских обязанностей. Еще раз благодарю Лиз и быстро отключаю телефон, чтоб поскорее пойти в дом и поприветствовать моих мужичков.

– Я дома! – кричу я, закрыв за собой входную дверь и водрузив на столик рядом с нею свою сумку.

Цветной луч метнулся в прихожую и нацелился в меня.

– Мамочка дома! – радостно вопит Гэвин, а я подхватываю его на руки и несу в комнату.

– А где папочка? – спрашиваю я, а сама глажу спинку прильнувшего ко мне сына.

– Он на работу собирается.

Вхожу в спальню и усаживаю Гэвина на кровать, плюхаясь на матрас с ним рядом.

Гэвин встает и принимается скакать вверх-вниз, распевая:

– «С утра проснулся, хватать за пистолет!»

Не успела я его остановить, как из ванной выходит Картер, просовывая голову в ворот тишотки, а затем натягивая ее поверх живота.

– Привет, малютка, – с улыбкой обращается он ко мне, подходит к кровати и, наклонившись, целует. Совсем не спешит отрывать губы, трется ими о мои, прежде чем отстраниться и посмотреть мне в лицо.

– Ты сегодня опять позволил нашему сыну смотреть «Клан Сопрано»?¹⁶ – спрашиваю я, вскидывая брови.

Картер, нервно хохотнув, отрекается:

– Нет, с чегой-то ты взяла?

Гэвин перестает скакать и смотрит на Картера:

– Нет, ты разрешил, папочка. Разве не помнишь? Большой Пусси плакал, а ты назвал его хилым педиком, – честно признается он.

Я пристально смотрю на Картера:

– А еще утешь меня признанием, что ты никуда не водил его сегодня в этой тишотке.

Мы оба переводим взгляд на тишотку Гэвина, на которой бесстыдно признавалось: «Меня трясут, как грушу».

– Эти слухи я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, – говорит Картер и садится на постель рядом со мной надевать ботинки. – Скажем только, что мы пообедали с дядей Дрю, и если бы я не одел Гэвина в эту новую тишотку, которую тот ему купил, то произошла бы неприятная сцена.

– Вполне уверена, что Гэвин прекрасно себя чувствовал бы, если б ты воздержался от облачения его в эту тишотку, – говорю я.

– А я не о Гэвине говорю. Ты, надеюсь, знакома с Дрю?

Гэвин скачком спрыгивает с кровати и бежит из комнаты. Я мигом жмусь потеснее к Картеру и кладу голову ему на плечо. Подняв руку, он обнимает меня за плечи и притягивает к себе. Похоже, сейчас с ним все в порядке, а потому я решаю, что ни к чему все портить и выпытывать, что с ним стряслось в последние дни и любит ли он меня по-прежнему.

– Иногда мне всамделе ненавистна твоя работа по ночам, – нежно произношу я, охватывая его руками за пояс.

Он поворачивается и целует меня, заваливает нас обоих обратно на постель, и мы лежим в сплетенье рук и ног.

– Тебе незачем врать. Я знаю, что тебе по нраву покой и тишина среди недели, нравится держать пульт в своих руках, – говорит он с улыбкой, смахивая прядку волос с моих глаз.

– Твоя правда, нравится, – киваю я и поясняю: – Только это вовсе не значит, что я тебя не люблю. Это просто означает, что смотреть «Настоящих домохозяек округа Ориндж»¹⁷ можно

¹⁶ Весьма популярный американский телесериал о вымышленном семействе итало-американской мафии на севере Нью-Джерси. Сериал предназначен для взрослой аудитории.

¹⁷ Идущее восьмой сезон (с 2006 г.) телевизионное реалити-шоу, персонажами которого становятся зажиточные домохозяйки калифорнийского округа Ориндж.

без закатывания глаз и язвительных замечаний. Если кому и взбредет в голову осуждать Гретхен со Слэйдом за их скудный жизненный выбор, так это мне.

– Кстати, напомнила. У меня для тебя кое-что есть, – говорит он, высвободив из-под меня руки, перекачивается на спину и роется в кармане джинсов.

– Не хочешь ли сказать, что подарок для меня у тебя в штанах? Потому как должна тебе признаться, что кучу раз бывала на оргиях этих порток. В последний раз едва сотрясение не получила.

Картер лезет еще глубже в карман и хмыкает:

– Не моя вина, что я оказался не готов к оральному сексу за рулем. Мне показалось, что ты себя неважно чувствуешь и просто собралась положить голову мне на колени. Когда у мужика, правящего машиной в субботний вечер, вдруг член наружу выскакивает, у него бедра ВСЕНЕПРЕМЕННО ДЕРГАЮТСЯ сами собой.

Он наконец-то вытаскивает руку из кармана, протягивает ее ко мне ладонью вверх и говорит:

– Вот тебе подарок.

Заглядываю в ладонь и вижу два похожих на колокольчики небольших оранжевых комочка пены внутри крохотного пластикового пакетика. С недоумением разглядываю их, стараясь сообразить, как правильно следует отнестись к подарку той, кто получает нечто похожее на платяца для куколок-малюток.

– Э#э, может, не стоило?

Картер смеется моему явному замешательству.

– О, стоило! Особенно если мне хочется остаться в живых после очередной ночи в постели рядом с тобой. Это, дорогая моя, самые лучшие беруши на свете. У нас на работе их тьма-тьмушая.

Он принес мне затычки для ушей. Он ВСАМДЕЛЕ любит меня.

Беру пакетик с его ладони, рву пластик зубами, достаю сплюсненные оранжевые затычки и рассматриваю их со всех сторон. Указательным и большим пальцами скатываю одну из них в трубочку и сую в ухо. То же проделываю и со второй и лежу спокойно, пока пена медленно расправляется и до моего слуха уже не долетает ни единый звук, слышу только *посвист* своего дыхания.

– СПАСИБО ТЕБЕ ОГРОМНОЕ, ОНИ СУПЕР! – говорю я Картеру.

Во всяком случае, полагаю, что сказала именно это. Прозвучало же это для меня каким-то эхом из мультика.

Картер улыбается, я вижу, как шевелятся его губы.

– ЧТО?

Губы опять шевелятся.

Он что, не понимает, в чем суть берушей? Из самого названия совершенно ясно. Ухо. Заглушка. В переводе с латыни: «Не слышу ни единой хреновины, слетающей с твоих уст».

Сую палец в ухо и вытаскиваю одну заглушку.

– Вот я и говорю: пользуйся на здоровье. Мне уже пора на работу идти. Гарантирует ли это, что отныне я могу спать, будучи уверен, что, когда проснусь, все мои причиндалы будут при мне?

Картер рывком встает с постели, я вытаскиваю берушу из другого уха, бросаю их обе на тумбочку у кровати и иду проводить его.

– Торжественно клянусь не отлоренабоббить¹⁸ твой член, – обещаю я, пока мы шагаем по коридору по пути в гостиную.

¹⁸ Лорена Боббит и ее муж Джон получили «звездную» известность после того, как в 1993 году Лорена в ответ на домашнее насилие со стороны Джона отрезала ему ножом половой член. Хирурги пришили пенис Боббита на место. И

Картер на ходу бросает «пока» Гэвину, который, сидя на диване, смотрит мультики, потом, уже в прихожей, подхватывает с полу свою сумку, с какой ходит на работу. Целуя его в щеку, напоминаю:

– Не забудь, что в эти выходные предсвадебная вечеринка Лиз и Джима, которую мы ни в коем случае не должны называть холостяцким мальчишником-девичником.

– Помню. Дрю с обеда уже три сообщения прислал, требуя от меня признания, будто я шутил, когда говорил ему, что никаких стриптизерш не будет. Пробовал связаться с ним, но он телефон не берет. По-моему, молча льет слезы где-нибудь на заднем дворике.

Картер открывает дверь и, прежде чем выйти, оборачивается ко мне:

– А#а, и ты не забудь, что в выходные из Коламбуса прибывают мои родители. Не дождись дня, когда ты наконец-то познакомишься с ними!

Закрываю за ним дверь и приваливаюсь к ней спиной.

– Ура. Знакомство с родней мужа, – подбадриваю я себя совершенно безо всякой бодрости.

5. «Бакс плати и соси»¹⁹

Наконец-то наступает вечер пятницы, рабочая неделя окончена. Ну, сказать правду, мне в этом смысле жаловаться не на что. У меня свой собственный бизнес (кто-нибудь, ущипните меня!), и каждая минута, которую я провожу в кондитерской, делает меня счастливой. Только, даже когда вы любите то, чем занимаетесь, все равно приятно часиков на несколько забыть про это.

Мелкие страхи по поводу Картера уже загнаны в самый глухой уголок сознания, потому как в последнюю пару дней меж нами все шло идеально. Он больше не вскакивал, когда я входила в комнату, не шептал в телефон, когда я выходила из душа. Нормальная женщина, наверное, заподозрила бы обман, но только не я. Я уже несколько раз выслеживала его и проверяла полученные им сообщения.

Серьезно. Не судите меня.

Гэвин ночует в доме моего отца, так что, как только я добираюсь домой с работы, сразу пакую его вещи для ночевки, а потом готовлюсь к вечеринке. Я все еще не переставала благодарить Лиз после того, как она уведомила, что ей не нужен традиционный девичник, когда толпа девчушек забирается в лимузин и катит в какой-нибудь стриптиз-клуб.

Слава богу.

Не поймите меня неверно. Я всей душой за то, чтоб напиться и отправиться к стриптизершам, но в мужской клуб? Это слишком. Вы раньше бывали в чисто мужском стриптиз-клубе? Эти намащенные, длинноволосые, накачанные на стероидах мужики выходят, гарцуя, в облегающих плавках, тычут своими бедрами прямо тебе в лицо и елозят пахом по твоей ноге. Во мерзота! Вам когда-нибудь потный мужик, совсем-совсем незнакомый, терся своим членом о коленку? У меня тошнота к горлу подступает при одной только мысли об этом. И будем честны: пенис – не самое красивое на свете, на что можно полюбоваться. Нет, только представьте: малый, который зовет себя Итальянским Жеребцом и одет в плавки с итальянским флагом, вытанцовывает под мелодию киношного шлягера, при этом кладет ногу вам на колено и трясет своим болтающимся... Ладно, на том я и покончу с этим, прежде чем Картер обнаружит, что я лежу в уголке, свернувшись калачиком, и бормочу что-то про итальянскую пису, а ему слышится, будто я произношу «пиццу», и он никак не поймет, почему это лепешка со всякой всячиной меня доводит до слез.

Как я и говорила, Лиз ничего этого не желает. А желает она нанять миленький лимузин-автобусик и объехать сколько-нибудь местных виноделен. Вполне уверена, что в этот вечерок все равно от непристойного поведения никуда не деться, только, по крайности, оно не будет сопровождаться угрызением мужского достоинства посредством тыканья пальцем и высмеивания его мудей. Если только, конечно, Дрю по какой-то причине не решится раздеться догола. Лично я в таком разе за себя не отвечаю, и не моя будет вина, коли он заорет от боли.

Как только мы с Картером оделись, то устроили Гэвина в машине и повезли его к Папане в дом.

Когда мы встаем на перекрестке на красный, Картер снимает с руля одну руку и кладет ее мне на голую ногу сильно выше колена.

¹⁹ Так называется одна из игр, в которую приучились играть (наверное, уже не только американцы) во время «прощальных» холостяцких вечеринок перед свадьбой, чтобы как-то развеять скуку. Затея американской остроты: невеста (реже – жених) надевает тишотку или еще что-то с нашитыми конфетками (естественно, создана целая индустрия специальных маек, футболок, лент через плечо, поясов, рубах, спецконфеток с дырочками, наклеивающихся сластей и пр.), и любой из гостей, заплатив доллар (если лакомство крепится в особо лакомое местечко, то три доллара), может пососать конфетку.

– Ты ведь коротенькую юбочку надела, только чтоб меня помучить, верно? – тихо, так, чтоб Гэвин на заднем сиденье не услышал, спрашивает Картер.

– Ума не приложу, о чем ты болтаешь, – говорю я с усмешкой и скрещиваю ноги, отчего его теплая рука ползет еще выше по ноге, а пальцы касаются лохмушек джинсовой ткани по краю юбки.

Я не обманываю, когда говорю, что на свой лад радуюсь тому факту, что мы с Картером работаем в разные смены. Мне нравятся покой и тишина на неделе, нравится одной проводить время с Гэвином. Это позволяет не так сурово переносить переход от существования матери-одиночки к совместной жизни с отцом моего ребенка. Я столько лет провела сама по себе, когда сын целиком принадлежал мне одной, что было приятно, что мы сразу не бросились в нечто такое, что оказалось бы полной одной восьмой того, чем некогда мы были. Но и при этом моя тоска по Картеру в течение недели не становилась меньше.

Или, говоря предметнее, моя тоска по сексу с Картером в будние дни.

Когда ты, разок переспав с женщиной, беременеешь, а потом проходят годы, пока это повторяется, и когда это и вправду повторяется, то секс предстает чем-то потрясающим и восхитительным, чем-то получше найденного горшка с золотом, единорога или эльфа, серущего бриллиантами на конце радуги. Ожидание же в течение всей недели этого чудесного секса становится пыткой. Ведь вот Картер просто положил руку на мою ногу, а у меня в голове уже закружился вихрь нечестивых мыслей, таких мыслей, каким там нечего делать, когда наш сын расположился на заднем сиденье.

– Полагаю, нам с тобой сегодня вечером просто необходимо сделать *важный телефонный звонок*, – говорит Картер, поиграв бровями.

Я рассмеялась, вспомнив, как мы в первый раз опять спали вместе после той ночи на студенческой пирушке, когда он лишил меня невинности. Тогда Гэвин постучал в дверь спальни в самый конечный момент нашего нового обретения друг друга (смысловое ударение на «обретение»), а после спросил, чем это мы занимались, и я, перепугавшись, впопыхах сказала ему, что мы звонили по телефону. Тогда мне показалось, что мы здорово выкрутились.

Ладонью прикрываю руку Картера и подтягиваю ее чуток подальше под край юбки.

– Ты на этой неделе пропустил много *телефонных разговоров*, – говорю я. – Пока на работе был. Пришлось мне самой о них заботиться. У моего *телефона* аж батарейки совсем сели, – поддразниваю я его.

– А ты эти *телефонные разговоры* записала? Я бы их с удовольствием послушал, – говорит он и подмигивает, но тут же устремляет взгляд на дорогу: зажегся зеленый.

– Извини, – шучу я. – Но и у *автоответчика* батарейки тоже сели.

– А это, наверное, потому, – ехидно лыбится в ответ Картер, – что ты изо всех бытовых приборов в радиусе пяти миль батарейки повынимала, чтобы в свой *телефон* их вставить.

– Не надо ревновать из-за того, что *телефон* по будням проводит со мной больше времени, чем ты, – успокаивающе похлопала я его по руке.

– А я и не ревную. Просто пользуюсь своим *Рукотворным ЛЭС*²⁰.

Я вытаращила на него глаза и, запинаясь, выговорила:

– Твой *ЛЭС-рукосуй* не сравнится с моим... *Беспроводным ВТеком*²¹.

О чем мы вообще болтаем сейчас, не умолкая? Есть ли предел, перевалив за который тихие порочные намеки будят лихо?

²⁰ Личный электронный секретарь.

²¹ Крупнейший в мире производитель беспроводных телефонов и прочего электронного оборудования, основные производственные мощности и штаб-квартира которого находятся в Китае.

– А я знаю, что вы оба делаете, когда говорите по телефону, – бесстрастно возвещает с заднего сиденья Гэвин.

Ну, вы знаете: стоит вам соврать, а кому-то поймать вас на вранье, как все лицо обдаёт жаром и желудок подводит. Так вдесятеро хуже, когда твой же собственный, едрена-печь, малец обращается к тебе и при этом взглядом словно говорит: «И такой пшенкой вы меня провести хотите?»

– Эй, эй, ты это о чем, браток? – спрашивает Картер, нервно посмеиваясь.

Он смотрит на меня, а я – на него, и оба мы глядим на сидящего сзади Гэвина. Слава богу, останавливаемся на следующем красном светофоре. Не думаю, что в такой момент Картеру можно доверять вести машину. Говоря откровенно, не думаю, что и *мне* можно доверять в такой момент: вдруг возьму, открою дверцу да выпрыгну вон. ПРЫГ-СКОК-КУВЫРОК!

Сейчас мне придется в машине, по пути к дому своего отца рассказывать собственному сыну про птичек и пчелок. Я даже *смысла* не вижу в этом выражении – «про птичек и пчелок». Как оно поможет дать сыну верное понятие, что есть секс? Никто ж никогда не видел, чтоб голубь елозил по голубке или шмель вставлял пчеле. Всамделе-то говорить следовало бы «про коровок и лошадок». Вот только на днях мы проезжали мимо фермы, там одна корова залезла на другую, и Гэвин сказал: «О#о#о, смотри, мамочка! Та корова другую обнимает!» В таком случае мне объяснять было бы легко. Я могла бы использовать точную терминологию: «половой член», «сперма», «осеменение». На то она и ферма, едрена-печь. Эту самую бодягу видно куда ни глянь среди коз с козлами, свиней с боровами, петухов с курочками. Я могла бы кучу примеров сыну привести. С другой стороны, пришлось бы отвечать на извечный вопрос о том, что появилось прежде, курица или яйцо, а вопрос этот до сей поры у МЕНЯ в мозгу занозой сидит. Теперь мне придется придумать какую-нибудь аналогию, хоть как-то связанную с телефонами. «Сначала ты достаешь антенну, чтоб она стала подходящей и длинной, потом нажимаешь на нужные кнопки, чтобы другой телефон настроился на разговор...»

Этого я не могу. Я к такому не готова. Он еще слишком мал, чтобы знать про долгие междугородние звонки и во что обходится инициация удаленного абонента.

– М#a#a#a#a#м! Ты меня слышишь? Я сказал, что знаю, чем вы оба занимаетесь, когда звоните по телефону, – повторяет Гэвин.

Как же, давай-давай, повторяй. Ясно же: тебе сил нет как нужно убедиться, что мы вполне перепугались. В ДЕТЯХ СИДИТ ДЬЯВОЛ.

Может, если я просто не буду обращать внимание на происходящее, Гэвин и забудет об этом. Включив радио, я лихорадочно начинаю искать какую-нибудь знакомую песенку, слова которой сын мог бы поучить.

Ну почему в пять вечера на радио столько, едрена-печь, словесной болтовни?

– О#о#о#о! Вот хорошая песня, Гэвин! Ты знаешь эту песню? – слишком уж восторженно спрашиваю я.

Начальные такты Кенни Джи²² заполнили салон, Картер глядит на меня, будто я тронулась.

Мать твою, Кенни Джи! Не мог, что ли, хоть ОДНУ песню записать со словами? Майкл Болтон ничему тебя не научил²³. Грандиозный провал, Кенни. Грандиозный провал.

– Вы, ребят, – говорит Гэвин, – всегда дверь запираете, когда говорите по телефону.

Сукин ты сын, Кенни Джи! Всех усыпил – кроме моего сына. Всего-то на ОДНО ты только и годился, а теперь и это полетело к чертям.

²² Кеннет Брюс Горелик – один из известнейших американских джазовых саксофонистов, лауреат множества музыкальных премий, включая «Грэмми» (1993).

²³ Михаил Болотин – американский певец украинского происхождения, особенно популярный как исполнитель медленных любовных баллад. Лауреат нескольких премий «Грэмми».

– Вы, ребят, там целуетесь, угадал? – спрашивает Гэвин.

Я перестаю отбивать такт вслед за Кенни Джи и выключаю радио на своем мобильнике, заметив, что Картер по-прежнему смотрит на меня как-то странно. Будто в первый раз видит. А я пытаюсь отвлечь мысли Гэвина от осеменения и пчелок с, едрена-печь, голубьями!

– ДА! – орет Картер. – *Именно этим* мы и занимаемся. Целуемся. И больше ничего. Только целуемся. Иногда мамочке с папочкой нужно запереть дверь, чтоб можно было целоваться. И... только целоваться. А что еще нам там делать, как не целоваться? Ха-ха! Мамочка с папочкой на дереве сидят, Ц#Е#Л#У#Ю#Т...

Я хватаю его за руку и сжимаю ее, чтоб прекратил болтать, мы уже подъехали к дому отца. Гэвин отстегивает ремень у себя на сиденье, выкатывается из машины и стремглав летит к Папане: его внимание уже отвлечено. Отец подхватывает его на руки и приветствует нас возле машины, с заднего сиденья которой Картер достает пожитки сына, а я стою у открытой дверцы и вздыхаю с облегчением: половое просвещение нашего четырехлетка наконец-то закончилось.

– Слышь, Папаня! Мамочка с папочкой запирают свою дверь, чтоб целоваться можно было! – возбужденно сообщает Гэвин моему отцу.

Тот, по виду, слегка ошарашен и быстро меняет тему, уведомляя Гэвина:

– Мы с тобой будем сегодня вечером кино смотреть. «Гномео и Джульетта»²⁴.

Печально, но отвлечь Гэвина не в силах даже садовые гномы, которые покушаются на жизнь и задницы сладко спящего небольшого племени себе подобных. Уверена, что ничего похожего в детском фильме всамделе нет, но мне представляется, что есть. Садовые гномы, они такой страх наводят – до мурашек. Твердо убеждена, что они оживают после того, как ты ложишься в постель, и выползают, чтоб надругаться над тобой.

– Мамочка с папочкой громко возятся, когда целуются. Мамочка часто бога поминает. Я тоже раз бога помянул. Попросил его дать мне щеночка и громадину-грузовик. Только я вежливо просил, а не вопил на него, как мамочка. Все равно он мне до сих пор щенка не достал.

И на этой вот ноте мы чмокнули Гэвина на прощанье, скакнули в машину и были таковы. Мой отец может выкручиваться с птичками, пчелками, коровками, курочками и целующимися лошадьми, пока в его сознании будут плясать видения его дочери, воплями призывающей Иисуса.

Пятнадцать минут спустя мы добрались до дома Лиз и Джима и припарковались на улице за лимузином, громадней которого я не видела. Лиз сказала мне, что заказала нечто маленькое и скромненькое для того, чтобы возить нас повсюду и чтобы мы не терзались, что губим ночное веселье кого-то из нас, принудив принять назначение нашим шофером. Ее представление о маленьком и скромненьком явно здорово расходится с моим. Эта колымага могла бы вместить всю футбольную команду, и еще бы место осталось.

– Вы, мерзавчики, почти вовремя добрались! – завопил Дрю, встречая нас у самого дома и перебрасывая по воздуху банку пива Картеру. В честь сегодняшнего винного разезда Дрю натянул тишотку, на груди которой был нарисован штопор с надписью: «Ташу(сь)». Мы по ступенькам поднялись в автобус, присоединяясь ко всем остальным, замечая, что народ уже поднабрался основательно, все, кроме Лиз. Та в одиночестве сидела на самом заднем сиденье, сложив руки и насупив брови.

Мне одного взгляда хватило, чтоб метнуться к ней – и вовремя.

²⁴ Комедийная (компьютерная анимация) интерпретация пьесы Шекспира (режиссер Келли Эсбери, 2011), где противостоят семейства красных и синих садовых гномов, но все кончается хорошо. Композитор и исполнитель оригинальных песен в фильме – сэр Элтон Джон.

Как вообще такое могло случиться? И почему никто не поспешил на помощь моей бедной подружке?

Оставив Картера с Дрю, Джимом и Дженни у передней двери автобуса, я быстренько иду по проходу и усаживаюсь рядом с Лиз.

– Кто тебя обидел? – спрашиваю я в сердцах, обнимая ее рукой за плечи.

Она смотрит на меня, и я, клянусь, вижу, как у нее дрожат губы.

– Успокойся. Мне можешь сказать. Мы это уладим, – ободряю я ее, успокаивающе рисуя круги на ее спине.

Вижу проблески надежды в ее глазах и понимаю: с ней все будет отлично. Я во что бы то ни стало устрою ей это, пусть оно и станет последним, что я совершу.

– Моя мама! Это она. Это из-за нее все! – с горечью причитает Лиз.

Бросаю быстрый взгляд в начало автобуса и боюсь, как бы сама *мысль* о миссис Гэйтс вдруг не побудила ее к появлению. Забудем о капризуле-невесте! Миссис Гэйтс – это невесты-капризулы мать. Она – свадебная Наци Номер Раз. Все свадебные традиции до единой, все бабушкины сказки, церемонии и обычаи, в какие верит Мэри Гэйтс, она блюдет и всех вокруг принуждает в том участвовать.

Вот и сейчас моя бедненькая лучшая подруга облачена в диадему из искусственных бриллиантов с прикрепленной к ней фатой, ленту через плечо, на которой оттиснуто: «Невеста», а под этой лентой – в тишотку с индивидуально подобранными сосунчиками, стратегически закрепленными аккуратно поверх ее титек. Ярро-розовой переливающейся краской выведено: «Бакс плати и соси».

– Я угодила в ад девичника! – верещит Лиз.

Я тяну руку и начинаю срывать сосунчики с ее титек.

– Успокойся, – утешаю я. – Скоро я тебя из него вытащу.

– Клэр Донна Морган! Надеюсь, вы заплатите моей дочери по доллару за каждую из этих конфеток, которые вы убираете с ее одежды!

Ну, прямо как в кино. Музыка, лившаяся из динамиков лимузина, замирает на пронзительной ноте, а веселый смех друзей сразу обрывается.

– Беги! Спасайся! – громко шепчет Лиз, пытаюсь оттеснить меня от матери.

Я медленно встаю, придаю лицу бравое выражение, давая друзьям понять, что готова одна пострадать за всю компанию. Я встану между Поборницей Свадебных Традиций и грозящим скоропостижной смертью девичником. Поворачиваюсь я вовремя: меня едва не потащили за шиворот по проходу.

– Нет, ты можешь поверить, что моя девочка выходит замуж?! – визжит миссис Гэйтс и (я глазом моргнуть не успеваю!) накидывает мне через плечо ленту с надписью «Подруга невесты». Потом стискивает в объятиях и принимается качать меня вверх-вниз так, что ноги от пола отрываются, будто мы – давно потерявшие друг друга подружки студенческих лет, при этом я погружаюсь в пахучее облако каких-то противных духов, грозящее вызвать у меня слезы на глазах.

Если мое семейство ведет себя больше на манер семьи Коннор из сериала «Розанна»²⁵, то семейство Алисы берет себе в пример «Семейку Брэди»²⁶.

Шибанутые.

Или, может, ширянутые.

Кому там из них пушистые зайки чудятся, распеваящие про леденцы на палочках, котятков да щеночков, резвящихся на радуге?

²⁵ Американский комедийный телесериал (1988–1997) с Розанной Барр в главной роли, отмеченный многими наградами, в том числе премией «Золотой глобус» (1993) как «Лучший телевизионный сериал – комедия или мюзикл».

²⁶ Американский комедийный телесериал (1969–1974, позже повторялся), в котором рассказывалось о многодетном овдовевшем отце, который женится на вдове с тремя детьми.

– Клэр, хочется верить, что ты целиком понимаешь, как важно моей девочке сегодня вечером грандиозно провести время, – строго говорит миссис Гэйтс, отступая от меня и суя мне в руку какой-то листок бумаги. – Для Лиз это «охота за сокровищами»²⁷. И ты обязана проследить, чтобы она еще до окончания ночи выполнила все до единого условия из этого списка. Меня уверили, что это вас, молодых, воодушевляет.

Не смотри на список, не смотри на список.

– Да не стой же ты попусту, Клэр! Посмотри на список, – требует явно воодушевленная миссис Гэйтс.

– «Отыщи незнакомца, который отдаст тебе свои трусы», – бормочу я, читая первую строку.

Миссис Гэйтс визжит, как маленькая девочка:

– Во смеху-то будет! Читай дальше!

Делаю глубокий вдох, дабы не дать подступившей к горлу блевотине вырваться наружу, прямо на листок, который я держу в руке.

Впрочем, если подумать... ни один список не сравнить ни с какой «охотой за мусором»²⁸.

– И не волнуйся: копий я наделала достаточно, хватит всем! – радостно сообщает мама Лиз, достает из своего ридикюля пачку листов и принимается раздавать их всем вокруг.

Просматривая список, прикрываю рот ладошкой. Рвота сейчас совсем ни к чему. Мне нипочем не удастся направить струю блевотины так далеко, чтоб она разом покрыла все листы.

«Найди парня, говорящего с акцентом».

«Познакомься с парнем, который тезка твоему жениху, и сфоткайся с ним».

«Склони на секс одну из подружек невесты».

Сказать по правде, не думаю, что могу читать такое в трезвом виде.

– Миссис Гэйтс, вы сегодня вечером вся прямо светитесь! Я вам этого еще не говорил? – сладкоречиво журчит Джим, подходя сзади и обнимая свою будущую тещу за плечи.

– Вот что, не пытайся отвлечь меня, Джеймс. Для тебя у меня тоже кое-что есть, – говорит она, расправляет бейсболку с надписью «Жених» и водружает ее ему на голову.

В дверь автобуса просовывается голова водителя лимузина:

– Люди, если все в сборе, то прошу вас всех сесть по местам, чтоб мы могли отправиться.

– Что ж, похоже, мне предлагается удалиться, – говорит стоящая в проходе миссис Гэйтс, не делая *никакой* попытки сдвинуться с места. Она с надеждой оглядывает всех вокруг, ожидая, что кто-нибудь станет умолять ее остаться с нами.

Никто ни звука.

Или шевеления какого. Может, кто и закашлялся неловко, но, думаю, это водитель кашлял.

– Ладно... что ж... теперь, ребятки, повеселитесь! – произносит она наконец и идет к выходу из автобуса. – Ой, силы небесные, я ж едва про самое важное не забыла! – Она поворачивается и бросается по проходу к Лиз. У всех вырывается тихий стон.

Миссис Гэйтс останавливается перед дочерью, лезет в свой необъятный ридикюль, который сама зовет сумочкой, и достает оттуда мужской половой член. Или, точнее, *«изделия в виде мужского полового члена»*. Великое множество членоизделий, вещиц, о каких я и не подозревала, что их делают в форме пениса, а теперь глазам своим не верю и никак не

²⁷ Игра (чаще для детей и подростков), в которой нужно отыскать клад, выполнив ряд условий или обнаружив указатели пути к нему.

²⁸ Игра, участники которой должны найти и собрать за ограниченное количество времени определенные предметы.

могу представить, как мама Лиз заходит в магазин и скупает такие товары, как, к примеру, ожерелье из леденцов сплошь из пенисов из жженого сахара, бутылка для воды в форме пениса, пустышка в виде пениса, которую, ей показалось, непременно надо повязать мне на шею.

Да уж, сегодня вечером я совершенно очевидно буду держать высокий класс.

Только она еще не успокоилась, о, нет! Следом из ее куля чудес появляются макаронные рожки в виде члеников. Нет, серьезно? На кой ляд, едрена-печь, нам в автобусе-лимузине нужен пакет пипирочных макарон? Мы ж не собираемся наполнять кастрюлю водой из крошечного туалета позади салона и кипятить ее на горячем двигателе, чтобы приготовить *пипиркони* с сыром.

Миссис Гэйтс вручает Дженни коробку жевательных мармеладок-пенисов, которую Дрю просит открыть немедленно, потому как ему не терпится услышать, как девушка скажет: «Этот пенис такой вкусный!» Напоследок мама Лиз с важным видом вручает каждому разного цвета резиновый пенис-колпачок на ручку. Потому как, вы ж понимаете, вдруг ночью у кого-то появится срочная необходимость написать записку – и только ручкой с пенисом-колпачком.

Стоило бы проверить насчет «охоты за мусором». Она тоже могла бы быть в списке.

Миссис Гэйтс, достающая из своего коврового ридикюля все новые и новые членои изделия, похожа на ставшую извращенкой Мэри Поппинс. Я уже жду, когда она вытащит лампу в форме пениса или членообразную вешалку для верхней одежды. Когда она до дна опустошает свой ридикюль от фаллических шуток, то наконец выходит из автобуса – и мы все вздыхаем с облегчением. А потом срываем с себя все до единой ленту, шапку, фату и все причиндалы для «бакс плати и соси».

Дрю наливает всем розовой текилы в рюмки, имеющие, само собой, форму пениса, и раздает их каждому.

– Это что за кошачье дерьмо? – спрашивает Джим, принюхиваясь к густой розовой жидкости в своей рюмке.

– Пахнет, как клубничное молоко, – говорю я, содрогаясь от отвращения. Не знаю, как другим, а мне смесь молока со спиртным представляется не имеющей права на существование.

– И по вкусу на клубничное молоко похоже. И это отличная штука. Я ведь думал, что нас сегодня для начала девчоночьим представлением побалуют, вот и выбрал питье, от которого точно в течение часа какая-нибудь в туалет помчится, – поясняет Дрю.

Все мы понимающе киваем. Никто не желает быть первым, кого затошнит.

На заднем полукруглом кожаном диване автобуса мы уселись вшестером. Поднимаем рюмки и сдвигаем их, пока они не сойдутся со звоном где-то в воздухе.

– Хотелось бы предложить тост, – произносит Дрю. – Выпьем за вас, выпьем за меня – дрючу я вас, выпьем за меня!

Мы все опрокинули рюмки. Автобус зарычал мотором и тронулся от бровки.

6. С заднего хода

О. Боже. Мой. Что там за звон? ЧТО ТАМ ЗА ЗВОН?

Ощущение, будто кто на ухо в мегафон орет. Издаю стон, перекатываюсь на спину и натягиваю одеяло на голову в попытке помешать ей разваливаться на куски.

Иисусе милостивый, что ж такое я ночью творила?

– КЛЭР! Твою мать, заткни свой гребаный будильник!

От крика Лиз с той стороны двери меня пробирает дрожь. Стягиваю одеяло ровно настолько, чтоб скосить глаз на будильник. Ясно как день: звуки, от которых у меня уши вот-вот закровянят, издает эта гадина на туалетном столике в другом конце спальни.

Непрерывное мигание цифр, обозначающих время, их яркий красный цвет, отрывистое звяканье гадины наводит на мысль, что она осуждает меня. Так и слышу в ее трелях: текила, рюмки, водка, караоке, ты – идиотка.

– Картер, – лепечу я. Иисусе, голос звучит, будто я целое ведро гравия проглотила. Да и состояние под стать. Снова издаю стон: – Картер. Выключи будильник.

Скосив глаз, как можно медленнее поворачиваю голову и вижу, что место рядом со мной на постели пусто.

– Черт.

Выпрастываю из своего кокона руку, хватаю первое, что под нее попадает на тумбочке: попадается вибратор на поводке. День сегодня настолько никуда, что даже это мне не досажает. Пуляю зажатое в пальцах через всю комнату и смотрю, как огромный розовый резиновый пенис с усыпанным бриллиантами поводком врежется в будильник и тот наглухо умолкает.

Мелкие вспышки памяти о прошлой ночи бросают свет на мои сбившиеся в мутный ком мозги, вызывая жуткое желание вскрыть череп и препарировать их.

Неужто я в какой-то винодельне пела «Чиста я как бы и невинна»? И почему на мне вообще нет никакого нижнего белья?

Плотно сжав веки, защищая глаза от бьющих в окно ярких лучей солнца, выкарабкиваюсь из постели и натягиваю трико для йоги, валявшееся на полу. Медленно выбираюсь из спальни в гостиную.

– Йо! Медведица Клара! Ты жива! – орет Дрю со своего пяточка на диване, пока я разлепляю глаза. Тут же выставляю ему палец²⁹: слишком уж он оживлен и явно не страдает от похмелья.

Это как же такое возможно? Он же пил больше меня. По-моему. И почему он в нашей гостиной? Скоро я с этого засранца квартплату стану брать.

Пристально разглядываю раздражающую улыбочку на лице Дрю, и, пока я шлепаю на кухню и тащу стул из-за стола, на меня набрасывается еще одно воспоминание о минувшей ночи.

– Это почему я помню, что ты где-то в этом доме писал? – спрашиваю я голосом, похожим на сухой стук перекатывающегося гравия (надеюсь, что от крика и пения, а не от безудержной рвоты, не могу вспомнить где). – Ты на этот стул писал? – сердито спрашиваю я, когда моя задница нависает над мягким сиденьем.

– Да, он ссал на этот стул, – ответила Лиз, появляясь из смежной с кухней комнатки для постирушек.

²⁹ Жест, вошедший в молодежный обиход как знак презрения или оскорбления («а иди ты на...»).

– Едрена-печь, у нас в доме будто щенок завелся, – бормочу я, перебираясь на высокую табуретку у стойки бара и всячески стараясь выказать свое недовольство, упорно глядя на тот самый стул.

– Не так уж много я на него и пописал, – возражает Дрю, входя на кухню и делая вид, будто пристально рассматривает тот же самый стул.

– Дрю, на стул нельзя пописать НЕМНОЖКО! – ору я, беря стакан воды и аспирина, принесенные для меня Лиз. Кидаю таблетки в рот и залпом выпиваю весь стакан целиком.

Слышу, как откуда-то доносятся приглушенные звуки музыки, и понимаю, что это моя сумочка выводит мелодию киношлягера. Пока тянусь по стойке за сумочкой, Лиз с Дрю у меня за спиной начинают складываться пополам, и по их сдерживаемому хихиканью я понимаю: кто-то из них, должно быть, сменил мне звучание сигнала в мобильнике.

Роюсь в сумочке, силясь отыскать этот чертов телефон прежде, чем гадкий шлягер втемяшится мне в башку на целый день.

«...дорóгой, снова пройденной из конца в конец. Ты мне друг и наперсник – слышу я в стуже наших сердец...»

Охальный телефон наконец-то попадает в руку, и я, даже не вытащив мобильник из сумки, быстро жму кнопку, прерывая песнопение.

– Алло? – оборачиваюсь и, отвечая на звонок, молча, одними губами обращаюсь к Лиз и Дрю: «Какого хрена?» От этого мерзавцы ржут еще хлеще.

– Ого, я думал, что ты еще от прошлой ночи не отошла.

Уже одного голоса Картера мне хватает, чтобы забыть, что мои так называемые друзья захерачили мне в мобильник какую-то идиотскую песенку и теперь я точно буду мурлыкать ее без передыху.

– Слушай, мы с тобой прошлой ночью трахались? – спрашиваю я, не испытывая никакого стыда от того, что сама не помню. Вообще-то хочется выяснить, почему я проснулась без пижамных порток или трусов. Бзик у меня такой маленький.

– Ты имеешь в виду, до или после того, как мы добрались домой? – уточняет Картер.

– Э#э, и до и после.

Картер вздыхает.

– По-моему, ты еще не проснулась и не протрезвела как следует, чтоб мы могли обсуждать, что за секс был до того, как мы вернулись домой. А после... скажем так, секс имелся в виду, пока я не стянул с тебя штаны, а ты не обрыгала меня.

– О#о#о#ой, прости за такое, – заискивающе блею я.

– Я сам виноват. Ни за что не надо было знакомить тебя с Дрю, – шутит он в ответ.

– Он на наш стул написал, – жалуясь я, салютую Дрю жестом двумя пальцами растопыркой.

– Ты обрыгала мой елдак, – невозмутимо сообщает Картер.

– Чудесно, ты победил, – вздыхаю я. – Так, и где ты сейчас?

– ЧЕЛ! ПОЗВОЛЬ, Я РАССКАЖУ ЕЙ ПРО СЦЕНКУ «С ЗАДНЕГО ХОДА» В АВТОБУСЕ! – вопит Дрю в телефон, стоя рядом со мной.

Я поворачиваюсь к нему с выражением ужаса на лице. Спрашиваю:

– Ты это про что? Картер, про что, едрена-печь, этот сукин сын толкует? – хриплю я в телефон. – О, Иисусе. Неужто я дала тебе... неужто мы... О, БОГ МОЙ, МЫ ПРОДЕЛАЛИ ЭТО В АВТОБУСЕ НА ГЛАЗАХ У НАШИХ ДРУЗЕЙ?

Смех летит отовсюду. Лиз до того заходится в истерике, что валится на пол. Дрю, привалившись к стойке, отирает слезы с глаз. Картер хрюкает на другом конце телефонной линии. Потом доносится его крик:

– Нет! Нет, это не то, о чем ты думаешь. Хоть ты и умоляла меня без умолку: «Давай, вчерась мне в зад!», я сообразил-таки, что такое решение не было тобой обдуманно на все сто. Скажи хоть, что ты помнишь, как была со мной в туалете, – умоляет он.

Ставлю локти на стойку, подпираю ладонью голову, закрываю глаза, силясь вызвать в памяти видение randevu в туалете, о каком говорит Картер.

После третьей винодельни все кучей грузятся обратно в автобус: народ стал намного пьянее и говорит чуток громче. Картер плюхается на обитое кожей сиденье и тянет меня усесться с ним рядом, пока я практически не наваливаюсь на него, упершись грудью ему в грудь. Он держит мое лицо в ладонях и, как только автобус трогается, а наши друзья принимаются вопить и дурачиться на передних сиденьях, он наклоняется и целует меня. Язык его неспешно протискивается меж моих губ, отчего меня до самого нутра пробирает дрожь и меж ног разливается тепло. Несколько минут спустя он отстраняет свои губы от моих, и я издаю стон жалости об утрате.

– Хочешь в туалет пойти? – спрашивает Картер, поигрывая бровями.

– Нет. Я сейчас писать не хочу, – говорю я и склоняюсь к нему, чтоб можно было опять целоваться.

– А я и не говорю про пойти в туалет, чтоб СХОДИТЬ в туалет. Я говорю про пойти в туалет, чтоб я мог тебе впендюрить, – говорит он, смеясь и фыркая.

– Какой же ты романтичный! Скажи это еще раз, – прошу я, наострив на него ресницы.

Картер бросает взгляд мне за спину, потом снова переводит его на меня:

– Серьезно. Никто не смотрит. Можем улизнуть в туалет – никто и не заметит. Я все по-быстрому сделаю.

– Да ну, всамделе, давай, не останавливайся. Меня это так заводит, – тяну я ему на одной ноте.

Картер снова притягивает мое лицо к себе, и наши губы впиваются друг в друга. Язык его скользит за моей нижней губой, потом вновь уходит в глубь моего рта. Поцелуй будоражит все сильнее, боль недельных воздержаний, пока мы работаем в разные смены, делается вопиюще острой, и я, считай, совсем забираюсь к нему на колени.

Ладонь Картера скользит вниз по моему телу, проходится по одной груди, огибает бедро, обхватывает меня за попу и еще плотнее прижимает к себе. Оторвавшись от моих губ, он переносит свои теплые, влажные полураскрытые губы на мою шею, прокладывая ими дорожку до самых ключиц, а меня обхватывает такое чувство, будто я растекаюсь липкой лужицей по полу автобуса. Картер нежно покусывает мне шею и скользит языком по заветному местечку. Тут у меня дыхание делается учащенным, как у собаки, и я чую: дольше не продержжусь. Если так и дальше пойдет, то я точно разложу его на сиденье и отдрючу на глазах у всех.

– Лады, отлично. Победил. В туалет. Пулей, – бормочу я в пьяной, похотью навеянной горячке. Мы встаем и направляемся к крошечному туалету, расположенному прямо напротив нас. Смутно слышу крик кого-то из девчонок: «НЕТ, стойте! Мне поссать надо!», но мы уже захлопываем дверь и возмемся с задвижкой. Туалет размером, как в самолетах, так что маневренность нулевая. Картер всем телом вжимается мне в спину и принимается целовать меня, оставляя засосы на шее, а я безуспешно пытаюсь закрыть замок на задвижку.

– От, едрена-печь, никак дверь запереть не могу! – доносится моя жалоба сквозь стоны удовольствия: его руки оплетают мне талию, потом скользят вверх по телу, пока обе его ладони не накрывают мои груди.

– Плюнь. По-моему, она все равно закроется автоматически. Эта самая задвижка просто передвигает снаружи указатель на «занято» или еще какую хрень. Все равно все уже знают, что мы тут, – выговаривает Картер, массируя мне груди. Мы как единое целое делаем поворот кругом, я уже могу упереться руками в край рукомоЙника, а Картер – задрать мне юбку. Автобус резко тормозит, я лечу вперед и врезаюсь плечом в стенку над рукомоЙником.

– Сукин сын! – вскрикиваю я. – Так и до беды недалеко.

Хихикаю, когда Картер, проводя руками по моим бокам, задевает особо чувствительные для щекотки места.

– Тут смеяться нечему. Тут должно быть балдежно и круто, – говорит он, скользя руками вниз по моим бедрам, а потом тут же и обратно, по пути задирая мне юбку по самый пупок.

– От, уж поверь, круто до невозможности, – говорю я и опять хихикаю: автобус трогается, и мы валимся назад. Картер падает на верхушку унитаза, а я с возгласом «уоо-п#п#а» приземляюсь ему на колени.

– Ладно, может, эта наша затея – не из лучших, – говорю я, смеясь, и пытаюсь встать, но тут автобус, кренясь, вписывается в поворот, и мы оба бухаемся плечами в стенку слева прямо под небольшим окошечком туалета.

– Черт побери! – ярится Картер. – Мы ВСЕ РАВНО займемся сексом в этом гадюшнике, даже если это грозит нам гибелью. – Страхивает меня с колен и вновь поднимается на ноги у меня за спиной.

– Картер, а по-моему, эта штука ВСАМДЕЛЕ собралась нас укокошить. Папане придется сообщить своим друзьям, что его дочь умерла в туалете лимузина-автобуса с юбкой, задранной по пупок. Так не годится!

Автобус выравнивается и ровно держится на неопасной скорости, а быстрый взгляд в окошко убеждает, что мы на протяженном ровном отрезке шоссе.

– Ты уверен, что нас здесь никому не видно? – спрашиваю я со страхом, когда Картер, скользнув ладонями по бедрам, спускает на мне трусики на несколько дюймов ниже.

Слышу, как вжикнула у него молния и зашуршала ткань, и, не успев я подумать про иные причины, почему эта затея не из лучших, как его ладонь, огладив мой лобок, втиснулась мне меж ног, а пальцы утонули в липкой трясине. Еще с той минуты, когда он в машине положил ладонь на мое голое бедро, я томилась по нему желанием. Стоило ему тронуть меня таким манером (в первый раз на неделе!), как весь мой здравый смысл в окошко ветром сдуло – раз уж я вполне уверилась, что никто нас не видит.

– Никто нас не видит, – шепчет он мне в шею и, будто всамделе читая мои мысли, проникает двумя пальцами в меня, а своим гладким и крепким проводит у меня меж ягодиц. – Тут в окошко особое стекло вставлено. Когда дверь закрываешь, она защелкивает рычажок, чтоб мы видели, что снаружи делается, а что внутри, никому видно бы не было. Мне Джим про это еще раньше говорил.

Картер продолжает работать пальцами, вода ими вперед и назад медленно и до того мучительно, будто только что и не вел речи про средства интимной безопасности в автобусе.

– Едрена-печь, – рвется из меня стон, когда два его пальца затеяли хоровод вокруг клитора.

По-моему, я слышу сигналы клаксонов и доносящиеся снаружи крики, но в данный момент мне на все плевать – да хоть бы остановились на площадке для отдыха, и народ, жуя попкорн, глазел бы в наше окошко.

– Черт, я хочу тебя, – говорю я, снимаю одну руку с рукомоЙника, отвожу назад и, ухватив Картера за бок, прижимаю к себе еще крепче. И пьяно лепечу: – Ты КАК ПИТЬ ДАТЬ должен заделать мне еще ребеночка.

– Нет, – смеется он. – Нам просто штраф впаяли за появление в непотребном виде. Оказывается, Джим не все так четко разъяснил про дверь в туалете. Тот рычажок, что ты пыталась сдвинуть, помнишь? Вот ОН-ТО и затемняет окна, чтобы никто не видел, что внутри делается. Ооп-с.

Дрю хохочет и, замечая, понемногу подбирается поближе ко мне, его ухо оказывается рядом с моим, и он слышит фразу, которую произносит Картер. Я отталкиваю его прочь, когда понимаю, чем он занимается.

– Ха-ха, поняла, Клэр? – ржет Дрю. – Про сценку «с заднего хода»? Я про туалетную дверь толковал. Или толковал про то, как ты то и дело в крик просила Картера отдрючить тебя в зад? Хм-м, сам не пойму. И о том, и о другом одинаково забавно поразмыслить.

О, Бог мой. Этот день больше уже ничем не испортить.

– Лады, замнем, я позвонил, чтоб убедиться, что ты жива. Как видишь, кончилось тем, что все вломились к нам в дом, потому как возле него первого остановился автобус. Нынче утром Джим отвез Дженни домой помыться, а Лиз и Дрю оставил у нас проследить, чтоб ты не захлебнулась в собственной блевотине или еще что. Я сейчас еду забрать Гэвина у твоего отца, потом мы встречаемся за завтраком с моими родителями. Тут планы слегка изменились. Они не к нам домой приедут, а сняли банкетный кабинетик в гостинице, где сами остановились, «Оберлин-Инн». Они пригласили твоего отца, Дрю, Дженни, Лиз с Джимом, а нас стеснять они не хотят.

Я быстренько сказала Картеру «пока», вытолкала Лиз с Дрю из дома, чтоб можно было душ принять и начать чувствовать себя малость побольше человеком.

Надеюсь, это положит предел моему постыдному поведению с прошлой ночи.

7. Лярва-оторва

Принимаю душ, одеваюсь и иду по коридору «Оберлин-Инн» – все в рекордное время. От меня больше не несет перегаром, но, сомнений нет, выгляжу я не лучше помятой задницы. Взгляд на отражение в зеркале позади стойки администратора подтверждает мои опасения.

– Мамочка, ты сегодня старая, – говорит Гэвин, когда мы, держась за руки, поворачиваем за угол и идем по коридору. – Как «Старая леди»³⁰ в рекламе с выпученными глазами.

³⁰ Линия косметических средств для пожилых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.